АННА ГУР
КАНАРЕЙКА ДЛЯ ЯСТРЕБА
РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Анна Гур

Канарейка для ястреба. Реальная жизнь

Серия «Одержимые», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68037194
А. Гур. Канарейка для Ястреба. Реальная жизнь:

Аннотация

ОН разорвал на части душу, мечты, меня, а наутро исчез…

Сказка в прошлом. В настоящем суровая реальность, и мне остается бороться с ней каждый день. А ночью…

ОН вором проникает в мои сны, терзает меня жадными ласками, обжигает поцелуями, и каждый раз я просыпаюсь в слезах, а губы шепчут один единственный вопрос: “Когда, когда же ТЫ оставишь меня в покое?!”.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	52
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	74
Глава 12	80
Глава 13	86
Глава 14	92
Глава 15	98
Глава 16	103
Глава 17	108
Глава 18	113
Глава 19	118
Глава 20	122
Глава 21	126
Глава 22	130

Глава 23 136
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Анна Гур
Канарейка для Ястреба. Реальная Жизнь

Анна Гур

* * *

Пролог

– Ну, что, красивая, я тебе сейчас дам шанс, который никому не даю! Вали на хер отсюда в свою консерваторию, или откуда ты сюда притопала, мой клуб – не для тебя!

– Нет… – слетает с губ обреченное.

Острый взгляд матерого хищника прошибает насквозь, затем слышу холодное:

– Знаешь, что такое крейзи-меню?

– Нет, – шепчу, понимая, что стою из последних сил. В глазах темнеет…

Взрослый, опасный мужчина продолжает вбивать в меня каждое свое слово:

– Ну что ты, красивая, не пугайся так… – черные глаза смотрят оценивающе. – Для тебя есть еще одна опция. Те девки, которые подо мной, для остальных – неприкосновенны.

Ноги подкашиваются. Мне кажется, что я падаю, и падаю в самую пропасть этого темного взгляда напротив.

– Так я и думал… – озвучивает свой приговор матерый хищник. – А теперь вали давай, дверь за тобой!

– Нет. Мне некуда идти…

Глава 1

Тайгер Ривз

Я вдавливаю педаль газа в пол. Лечу по трассе, пытаясь собраться с мыслями. Крышу сносит от противоречивых чувств…

Скорость и адреналин – то, что мне сейчас нужно. Риск всегда заставляет собраться, задействовать все ресурсы и проветрить мозги.

– Решай скорее, – сухо проговариваю я. – Либо сейчас возвращаемся, либо едем в клуб.

Предоставляю девушке, что сидит на соседнем сиденье спорткара, видимость выбора, которого у нее в принципе нет.

Ей бы бежать от меня подальше, но вопрос в том, позволю ли Я ей убежать…

– Если ты даешь мне выбирать из этих двух вариантов, то я выбираю клуб, Тайгер! – в ее голосе вызов.

Бросаю косой взгляд на голубоглазую блондинку в вечернем платье.

Злиться. Пылает. И я реагирую. У меня на нее стоит так, как ни на кого прежде.

Красивая…

Изучаю тонкий профиль с остреньким носом и пухлыми губами без помады. Рассматриваю этот изгиб порочных губ,

за которым читается излом сексуальной улыбки. Меня все в ней завораживает. Ее неискушенность заводит, а от понимания, что мне будет принадлежать ее девственность, сносит крышу.

Кажется, что весь дорогой салон автомобиля пропитан ее ароматом. Я, будто зверь, чую его. Это не парфюм. Это именно ее запах, от которого сносит крышу.

Делаю глубокий вдох, вбивая в легкие воздух.

Слаааадкооо. Как же сладко…

Прохожусь алчущим взглядом по линии белоснежной лебединой шеи с тонкой цепочкой и крохотным скрипичным ключом у ключиц. Очень символичная побрякушка.

Адель. Певчая птичка с небывалым талантом. Редкий самородок, который поначалу привлек внимание хищника именно голосом.

Обращаю взор на яремную венку, что бьется в бешеном ритме под бархатистой кожей. Хочется пройтись языком по этой пульсации, впитать ее в себя. Опускаю взгляд в скромное декольте, где видна ложбинка нежной груди, которую мне хочется покрывать следами своих яростных ласк.

Выдыхаю со свистом воздух. Впиваюсь со всей силы в руль, когда тело пропускает бьющий прямо в пах электрический разряд.

Сжимаю зубы, практически крошу их в пыль. Сдерживаюсь. Хоть так и тянет остановить тачку и завалить эту сладкую девочку на спину, разорвать платье и добраться до неж-

ной плоти. Растерзать…

Моя!

Такая желанная, порочная, нежная и… невинная в своей природной сексуальности. От нее меня ведет. Все внутри скручивается. Тело становится каменным, подвластным лишь одержимому желанию обладать, брать ее всю. Пить ее до дна, пьянеть от ее вкуса и запаха. Добраться до нутра и прикоснуться к душе, что светит белоснежной чистотой.

Моя противоположность.

Она нужна мне вся. Целиком. Полностью. Каждой своей частичкой, каждой клеточкой. Никогда не испытывал подобных чувств ни к кому до нее…

Едва успеваю вывернуть руль и не врезаться на скорости в другую тачку, дрифтую и возвращаю контроль над стальным зверем.

– Тай… – дрожащий девичий голос действует совсем не успокаивающе. Ощущается ударом по натянутым канатам нервов.

Лавирую между машинами.

– Ты меня пугаешь… – слышу ее тихий голос.

– Все под контролем, Адель, это скоростная трасса, – отвечаю, но все же сбавляю скорость. Уступка. Опять. Сколько их я уже совершил по отношению к ней…

Мой личный рекорд…

Моя одержимость и мой стоп-сигнал.

До безумия желаю сделать ее своей и… не трогаю. Защи-

щаю из последних сил от моего внутреннего хищника, который бессилен перед ее слабостью.

Оттягиваю надвигающуюся бурю, играю на струнах собственных нервов, и кайфую в предвкушении всего, что все-таки получу от нее этой ночью.

Крепко держу Адель за руку. Подхожу к очередному секьюрити. Клуб “Плазма” очень хорошо продуман также в плане безопасности. Ребят в черных рубашках здесь маленькая армия. Того требует уровень и перечень ВИП-клиентуры, завсегдатаев лоунж-румов.

– Здравствуйте, мистер Ривз. Проводить вас в лоундж? – интересуется сотрудник клуба, пытаясь перекричать орущую музыку.

Киваю. Знак помощнику, и уже другой мужик с серебристым бейджем провожает нас вверх по стеклянной лестнице.

Захожу в привычный ВИП с черными кожаными диванами и низким журнальным столиком из черного стекла по центру. Дверь закрывается за моей спиной, отрезая оглушительные биты музыки и погружая нас в приятный интимный полумрак помещения с прекрасной звукоизоляцией.

Из всех лоунж-румов считаю этот лучшим, благодаря виду, открывающемуся на весь клуб из панорамного окна.

Не обращая внимания на антураж, Адель проходит в глубь помещения, приблизившись вплотную к стеклу. Ее привлекает именно вид.

– Красота какая… – доходит до меня ее голос.

И я не могу не согласиться, рассматривая женский силуэт на фоне беснующегося клуба. Воображение подбрасывает интересные картинки того, как эффектно Адель может смотреться, будучи распятой мной на этом панорамном окне.

Меня отвлекают от созерцания.

– Мистер Ривз, выпивка по обычной схеме? – официантка ждет моего ответа.

– Нет, не сегодня… Пожалуй, коктейли только.

– Какие именно? – девка жужжит мухой над ухом, заставляя меня оторваться от Адель.

– На твой вкус, – сухо обрубаю, и официантку как ветром сдувает.

Наблюдаю, как Адель кладет аккуратные ладони с тонкими запястьями на стекло. По-детски непосредственный жест. Говорящий мне, что ей интересно все то, что она видит за стеклом.

У меня от ее вида челюсть сводит.

Рассматриваю длинные ноги и округлый аппетитный зад, обтянутый серебристым шелком. Хороша. Не придраться.

Не могу оставаться в стороне. Беззвучно подхожу. Застываю за ее спиной, оставляя между нами дистанцию в миллиметры. Выдыхаю.

Мой контроль трещит по швам. Дурею от ее близости, от аромата кожи, которую хочу почувствовать на вкус, на кончике языка.

Чувственная девочка. Отзывчивая. Моя.

Отхожу, понимая, что играю против себя. Сажусь в кресло и продолжаю изучать свою певчую птичку издали.

Я готов смотреть на нее вечность.

И опять мельтешение официантки рядом. Девка всерьез решила вместо меню предложить мне себя. Отмахиваюсь от сучки коротким:

– Свободна.

Беру приглянувшийся коктейль и подхожу к своей девочке, которая продолжает наблюдать за шоу. Не удержавшись, провожу пальцами вдоль ее руки и вкладываю в тонкие пальцы напиток.

– А где шампанское в честь праздника? – наглеет птичка и вместо ответа получает щелчок по носу.

– Может, спустимся вниз, повеселимся? – продолжает гнуть свою линию.

– Нет. Тебе там не место, – рублю фразы, потому что на большее сейчас не способен.

Кажется, Адель не понимает, что именно я имею в виду.

– Я не буду пить этот дурацкий коктейль, Тай! – с жаром восклицает она, отталкивая бокал.

В ответ меня накрывает. Зверею! Не терплю неповиновения, а с ней я давно на грани, держусь на тонкой нити самоконтроля, которая нещадно трещит, и чувствую, что вот-вот лопнет.

Отправляю коктейль в полет, и звук разбитого стекла бьет по оголенным проводам нервов.

Хватаю Адель, впечатываю в себя. Срываю болезненный поцелуй с этих сочных естественно-розовых губ. Дурею от ее вкуса. Все тело простреливает огненным желанием, выбивающим снопы искр из глаз.

Во мне поднимается буря. Я становлюсь бессильным. Чувствую себя в эпицентре цунами.

Толкаю желанную девочку на стекло, прибиваю ее своим телом к тонкой прозрачной преграде.

Трогаю ее, терзаю губы как одержимый, как голодающий, дорвавшийся до сладости. Адель кажется бабочкой, распятой под моей жестокой лаской. Поглощаю ее всхлипы и стоны. Забираю воздух. Она моя. Вся целиком. Задираю подол платья в сумасшедшем стремлении раздвинуть ее стройные ножки и погрузиться в пучину наслаждения.

Лазерный луч проходит вдоль окна ВИП-лоунжа. Яркий свет действует отрезвляюще. Понимание накрывает. Я чуть не трахнул Адель как очередную шлюху в приват-руме.

Отрываю себя от нее и ошалело рассматриваю следы своей страсти, чувствуя, как хищник внутри меня воет и бьется, желая добраться до той, которую считает своей законной добычей.

Смотрю в ее голубые глаза, подернутые поволокой страсти, читаю в них растерянность. Замечаю, как дрожат ее губы, провожу указательным пальцем по сочным покрасневшим краям, что горят огнем после моего безжалостного поцелуя. Слегка проталкиваю палец внутрь, в шелковую глу-

бину ее рта.

Ошибка. Еще одна. Тело простреливает болью. Отдергиваю руку, словно обжегшись.

– Какая же ты сладкая… – выдыхаю на грани слышимости. – Поехали.

Резко разворачиваюсь в сторону двери, пытаюсь убежать от своих демонов. Но в этот раз мне не победить. Я принимаю свое поражение.

Бросаю на стол месячную зарплату девицы, что приносила коктейли, и хватаю Адель за руку в жестком захвате. Моей птичке от меня никуда не деться. Вылетаю из клуба, и спустя считанные минуты мы уже мчимся по трассе.

Еду на запредельной скорости, словно пытаюсь убежать от демонов, что рвутся за мной по пятам. Но от них не скрыться, потому что от себя не убежать. Они живут во мне, и я сдаюсь под натиском чувств.

И вновь совершаю невозможное. Собираю всю силу воли и даю Адель последний шанс на спасение.

Пока я еще могу соображать и у меня есть подобие контроля:

– Скажи, чтобы я отвез тебя обратно! – мне больно говорить, цежу слова. – НЕ нагулялась еще?!

Пауза и тихое в ответ:

– Нет. Я хочу к тебе, Тайгер! Только к тебе…

Читаю вызов в глубине ее бездонных глаз. Моя храбрая, сильная девочка. Она озвучила мой приговор.

Глава 2

Адель Соммерсье

Заветная фраза слетает с губ и зависает в воздухе, накалив ситуацию до предела. Тайгер выворачивает руль автомобиля, вписываясь в поворот.

Он непревзойденный водитель. Я знаю о его увлечении дрифтингом, но пальцы все равно цепляются за дорогую кожу сиденья.

Наблюдаю за ночной трассой, за огнями, которые мельтешат точками, и понимаю, что мне до жути страшно.

Я не знаю, что делать и как реагировать на ситуацию. Украдкой бросаю взгляд на своего сумасшедшего водителя. Тайгер Ривз – мой Тигр. Моя первая любовь. Тот, кто занял собою все мысли.

Ему я мечтаю принадлежать этой ночью.

Мы из разных миров. Мы отличаемся как свет и тьма, и именно это противоречие так связывает нас, приковывает друг к другу цепями.

Внешне Тай кажется отстраненным. Его сложно разгадать. Он всегда закрыт. Даже сейчас, несмотря на то что все мое существо кричит об опасности, исходящей от него, он кажется абсолютно спокойным.

Он похож на холодное оружие – заточенное и смертоносное.

Ривз бросает на меня нечитабельный взгляд и от этого прошибает изморозью.

К нему не подойти. Он сам решает, подпускать ли тебя к себе. Терзает меня то холодом, то заставляет пылать в огне своей страсти.

Его поцелуи ядовиты. Он пьет меня, вынуждает трепетать в своих руках и хотеть всего, что может дать желанный сильный мужчина.

Изучаю безупречный профиль с четкой линией скул и волевым подбородком. Он весь словно высечен из мрамора.

Восхищаюсь им. Взгляд приковывают сильные руки с вечно сбитыми в кровь костяшками, что носят на себе отпечаток его увлечения. Мой Тайгер первоклассный боксер. Когда-то был чемпионом Школьной Лиги. Именно на ринге он получил свое прозвище – Черный Ястреб.

С трудом отрываю взгляд от молодого, агрессивного хищника. Смотрю в окно. Пытаюсь отстраниться от ситуации, которую совершенно перестала понимать.

Кажется, что весь Даунтаун сегодня гуляет. Молодежь толпится у баров и клубов. Летние кафе переполнены, несмотря на поздний час.

Наблюдаю за мелькающим пейзажем и теряюсь в своих ощущениях. Меня колотит так, как никогда прежде.

Тай заезжает на подземную парковку знакомой элитной башни. Когда-то я даже не подозревала, что этот небоскреб со всевозможными развлекательными центрами на нижних

этажах – жилой.

Ривз выключает двигатель и обращает на меня свой сине-зеленый взор. Он опять рассматривает меня, и на дне его глаз мне чудятся молнии, пронзающие грозовое небо видимого спокойствия. Вокруг нас воздух буквально искрит.

Выходит. Держусь за его руку, едва успеваю передвигать ногами на высоких шпильках, пытаясь подстроиться под уверенный широкий шаг.

Мой Черный Ястреб тащит меня к лифту, который активизируется персональной ключ-картой. Спустя секунды скоростного полета створки разъезжаются, и мы оказываемся в белоснежном холле его пентхауса.

Я бывала здесь, и не раз. Но почему-то только сейчас едва различимый звук практически бесшумно закрывающегося лифта позади воспринимается мной оглушительным взрывом.

Стоит Ривзу нажать кнопку на стенной панели, как все вокруг преображается. Замираю. Огромное пространство белоснежного холла заполняется огнями свечей. Включается джазовая легкая музыка, и я выхватываю взглядом сервированный стол на две персоны в отдалении.

Безумный страх просыпается в глубине сознания, давая понять, что я заперта наедине с хищником в его логове.

Ривз позволил сделать выбор, которого у меня, в принципе, не было. Он дал мне иллюзию свободы.

“Что ты такое, Тайгер Ривз?! Кто ты?!” – проносится в

мозгу.

– Ты все предусмотрел, – слетает с губ обвинением, – а если бы я выбрала кампус, Тайгер?

Поворот головы и нечитабельный взгляд:

– Я привык все держать под контролем, просчитывать развитие ситуации и предугадывать исход.

Требуется время для осмысления этой фразы.

Ривз замирает. Чувствую, как его колотит. Делаю шаг в сторону, пячусь в растерянности, не знаю, чего ожидать от такого Тайгера.

Нога запинается в длинноватом подоле платья, и я лечу на белоснежную софу, стоящую позади, вскрикиваю, приложившись боком о подлокотник.

Тайгер подсознательно делает шаг ко мне, но заставляет себя замереть на месте, сжимает кулаки. Его взгляд прожигает насквозь.

Между нами буря и переизбыток чувств. Все слишком долго копилось, и я не выдерживаю. Срываюсь, слетаю с катушек, встаю в полный рост и кричу:

– Хватит! Сколько можно уже?! Тайгер, я устала метаться в чертовой агонии чувств. Я жажду тебя! Я хочу, чтобы ты дал мне все то, что способен дать мужчина женщине. Я хочу тебя! Ты разжигаешь пламя и отталкиваешь! Искушаешь, а потом ставишь под ледяной душ своей отчужденности! Я тебя не понимаю… Я пытаюсь справляться! Стараюсь подстроиться под смену твоего настроения, но… Я не могу так

больше… Ты мучаешь меня! Я уже давно не вчерашняя девчонка! Я взрослая, Тайгер! – в какой-то момент понимаю, что на дне глаз щиплет и взгляд теряет фокусировку. Усилием воли загоняю слезы внутрь себя. Не хочу плакать. – Все, хватит с меня!

Ору, захлебываюсь собственными чувствами. Не может струна быть все время в натяжении и не разорваться.

Я дошла до своей точки невозврата.

Понимаю, что не могу здесь больше находиться. Все не так. Не об этом я мечтала и не думала, что день, который должен был стать самым счастливым, ночь, о которой я, не переставая, мечтала, обернется для меня подобным фиаско.

Хочу убежать. Потому что весь мой монолог особо не затрагивает жестокого парня напротив.

Он – безжалостный, бескомпромиссный и сейчас нестерпимо чужой…

От него мороз по коже. Не выдерживаю зрительного контакта. Отворачиваюсь.

Первые шаги по направлению к лифту даются тяжело, слышу цоканье каблуков по мраморному полу. Этот звук кажется излишне громким.

В груди болит, и рвано бьется сердце. Тело горит, пылает, а в животе ощущается нестерпимая пустота.

Кто же я для тебя?!

Личная Певчая Птичка, чьим голосом ты восхищаешься?!

Глупая Канарейка в клетке.

Все время эта чертова дистанция, которую я не в силах понять! Сейчас мне кажется, что Тай действительно каменная глыба.

Не могу больше…

Мне больно вдали от него. Мне больно рядом с ним.

Он острый шип, что раздирает плоть на куски. Его не вырвать, разве что с глупым сердцем, в которое он врос.

Еще шаг от него.

Мысли вихрятся ядовитым клубком.

Каждый шаг, что я делаю по направлению к выходу, отдается агонией. Мне физически больно увеличивать дистанцию и уходить.

Хочется развернуться, бросится к нему и целовать твердые мужские губы, повиснуть на крепкой шее, спрятаться от своих противоречивых чувств на широкой груди, в горячих объятиях.

Тайгер – скала с острыми гранями, на которую можно упасть с высоты небес и разбиться вдребезги.

Предчувствие витает в воздухе.

Резкий разворот.

Меня прибивает к мощной груди. Тайгер поднимает мое лицо за подбородок. Цепкая хватка причиняет боль. Теряюсь. Смотрю в сине-зеленые глаза, где в эти секунды разворачивается бездна.

Чувствую его горячее дыхание на своем лице, а под рукой, что лежит на его могучей груди, бешено бьется сильное

сердце.

Больше нет безразличия и холода. Ривз позволяет мне увидеть свои чувства. И я теряюсь от того шквала эмоций, который обрушивается на меня.

Именно сейчас, когда он теряет присущий ему контроль, я не могу оторвать взгляда от красивого рельефного лица с тяжелой линией подбородка и острыми скулами, замечаю, как желваки ходят на скулах и испарину на лбу. Чувствую его голод.

Этот мужчина лучится первобытной силой и харизмой.

Кажется, что мой Черный Ястреб с трудом сдерживается, чтобы не пришибить меня. Его хватка все усиливается, пока болезненный стон не срывается с моих губ.

Ривз приближает свое лицо к моему, отбирая у меня возможность дышать, заглядывает в глаза.

Страшно красив… В нем есть что-то демоническое, потустороннее. От него поджилки трясутся и внутри все трепещет от противоречивых эмоций.

Кончики его губ приподнимаются, демонстрируя не улыбку. Нет. Зловещий оскал.

– Хочешь правду, Птичка?! Хочешь узнать реального меня, Адель?! Такой я тебе не понравлюсь… – проговаривает полушепотом, делает рваный вдох и прикрывает глаза на мгновение. Каждое его последующее слово становится ударом. – Я совсем не положительный герой из сказок, детка. Я реальный человек, который идеально вписывается в картину

своего гребаного мира!

Ривз рассматривает меня. Его взгляд останавливается на губах. Глаза горят безумием и чем-то первобытным.

– Я совсем не принц, которого во мне когда-то увидела одна маленькая Канареечка! Я – мужик, Адель, привыкший драть девок пачками. Мне плевать на всех. Всегда было плевать! Я привык покупать. Все упирается в цену. У меня было много шлюх, готовых на все. Я видел в их глазах похоть. Они всегда текли от того, что я выделывал с ними, чем больше я презирал, тем больше они желали быть истоптанными мной!

Звук пощёчины оглушает. Рука болит так, словно о камень ударила. Наблюдаю, как отпечаток пятерни прорисовывается на мужественном лице.

Я оглушена своим поступком, но мне хочется ударить его еще раз, вцепиться ногтями в лицо и с силой провести, оставляя кровавые борозды.

Чтобы ему было больно так же, как и мне!

Тайгер тянет носом воздух, впиваясь в меня бешенным взглядом. Осознание накрывает. Он пытается себя усмирить. Он боксер. Чисто физически у него рефлекс на удар. Он всегда ударяет в ответ.

В следующую секунду он впечатывает меня в створки лифта. От боли, прострелившей спину, охаю. Смотрю в сине-зеленые грозовые омуты, на дне которых виднеются молнии. Тайгер приближает лицо, смотрит то в один зрачок, то в другой и цедит слова:

– После того, как утолял свой голод, я забывал о своих шлюхах, просто выходил за дверь и вычеркивал девок без лишних слов и объяснений!

Это был мой мир ДО тебя…

Я вишу в его руках, слезы текут бесконечным ручьем. Сердце разрывается в груди. Так и хочется крикнуть, чтобы остановился, чтобы молчал. Я не хочу слышать. Я не хочу…

Еще один всхлип срывается с моих губ, затем следует судорожный вздох, но Тайгер не останавливает потока резких, оглушающих слов, а я ощущаю, как его сильные грубые пальцы уже не причиняют боль, он ласкает мои скулы, очерчивает линию подбородка, стирает дорожки пролитых слез.

Смотрит так, что, кажется, готов меня сожрать.

– Вот он истинный я, Адель. Моя реальность. Моя суть. То, что проскальзывает во мне, пока ты рядом, мне не свойственно! То, что я испытываю к тебе, когда нахожусь в плену твоего нереального голоса, не имеет объяснения. Когда смотрю тебе в глаза, мне больно. Рвать на части! Ломать тебя хочется. И бежать, чтобы не обидеть… Рядом с тобой, словно по канату, малейший шаг в сторону и ждет падение в бездну, что разверзлась под нашими ногами, пока мы лавируем на острие! Я хочу тебя! Я горю тобой! И… я знаю себя! Я зверь, что любит терзать, ломать и наслаждаться агонией жертвы. Моя маленькая Певчая Птичка… Искренняя, чувственная, честная, желанная. Твой свет манит меня. Я не хочу марать тебя собой.

Черт!

Тайгер на мгновение замолкает и глубоко дышит, прислонившись ко мне пылающим лбом.

Я ощущаю его холодный свежий аромат с добавлением цитруса, это его личный запах с нотками дорогого парфюма, который заполняет все пространство и проникает в мои легкие.

Тяну этот воздух, хотя мне больно дышать, так как он продолжает сжимать меня в стальных объятиях…

Несмотря на все сказанное, не отпускает, вдавливает меня все сильнее в свое тело.

Я продолжаю ошалело смотреть в лицо своего монстра и понимаю, насколько сильные эмоции я в нем вызываю…

Тайгер ведь сейчас откровенно рассказывает мне о своих демонах, рвущих его душу…

О их существовании я подозревала с самого начала.

Мой противоречивый Ястреб такой острый и опасный. Он может разорвать меня своими когтями, но пытается удержаться…

Ощущаю его эмоции, как свои. Впервые он допускает меня настолько близко, делится своими темными страстями.

Его бархатный, хриплый голос звучит ответом на мои мысли.

– Я держусь Адель! До последнего держусь, ломаю себя, чтобы не прикасаться! Не хочу навредить! Не хочу, понимаешь?!

На миг Тай прикрывает глаза и морщится, словно, ему действительно больно, словно он хочет призвать всю свою выдержку и силу, чтобы оттолкнуть меня, отпустить…

Понимаю свою власть над ним. Осознаю всю силу желания, с которым он так мужественно боролся все это время. Сильный хищник.

Я впиваюсь пальцами в белоснежную сорочку на мощных плечах и тянусь к нему, как стебелек к своему солнцу.

– Тай, пожалуйста…

Легкое прикосновение к его губам. Не успеваю продолжить, потому что мой Черный Ястреб отвечает мне, впивается в губы поцелуем, что выбивает дух.

Глава 3

Он метит меня яро, остро, клеймит своей страстью, прижимает к сильной груди, заставляет чувствовать каждую литую мышцу. Тайгер действительно похож на камень, о грани которого можно легко пораниться.

Его язык проникает глубоко в рот, и у меня ноги подкашиваются от сладких ощущений. Я будто парю вместе с ним, рядом с ним, встав на крыло в небесах нашей общей страсти.

Его пальцы умело ласкают, выводят узоры на спине, и в какой-то момент я ощущаю, как платье соскальзывает с плеч. Я горю в огне желания, и чувствую горячие поцелуи вдоль шеи, откидываю голову в поисках еще большей ласки.

Пальцы Тайгера запутываются в моих уже распущенных волосах, и на секунду чувствую боль от натяжения в висках, когда он сжимает пряди в кулаках.

Эта вспышка боли не отрезвляет, она добавляет лишь остроты той сладкой истоме, которую я сейчас ощущаю.

Ривз поднимает меня, заставляет обхватить бедра ногами. Его поцелуи приносят эйфорию.

Едва замечаю, как он несет меня на второй этаж, просто в какой-то момент оказываюсь в огромной спальне с интимным освещением, усыпанной белоснежными цветами, лепестками, в нос ударяет сладковатый запах пряностей и ванили. Мой любимый аромат.

Замираю.

Тайгер на секунду отрывается от меня, ловит мой ошалелый взгляд, рубит слова, едва справляясь с чувствами:

– Хотел… подарить тебе сказку. Хотел красиво…

– Тай…

Не дает ничего сказать, срывает очередной поцелуй, заставляет забыться. Оказываюсь на холодящем разгоряченную кожу шелке простыней.

Ривз накрывает полушария груди, прикрытые кружевным бюстгалтером. С вызовом смотрит мне в глаза и тянет зубами за сосок. Вскрикиваю от проскочившего импульса и не удерживаю стон, когда он резко стягивает кружевную преграду и с силой втягивает пульсирующую вишенку.

Запрокидываю голову, отдаюсь прошибающим тело ощущениям. Не могу собраться. Глаза выхватывают отдельные кадры: игру пламени свечей, белоснежные пионы, а руки сминают лепестки, которыми усыпана кровать.

Безжалостные ласки выбивают стоны и всхлипы. Мой хищник склонился над своей жертвой, медленно опуская свое красивое лицо все ниже, лаская языком горящую кожу живота.

Резкая обжигающая ягодицы боль заставляет вскрикнуть. Он рвет с меня последнюю преграду.

Сильные руки раздвигают ноги. Жуткое смущение охватывает, когда этот красавец замирает, смотрит в самое средоточие моей женственности. Такое откровенное разгляды-

вание смущает.

Пытаюсь сомкнуть ноги, спрятаться, но в ответ его хватка лишь усиливается. Ривз вскидывает голову и смотрит прямо мне в глаза. Сглатываю. В этих сине-зеленых омутах отражается адское пламя и жажда. От порочности всей картины дух захватывает, я теряюсь в своих противоречивых чувствах.

Не отпуская моего взгляда, он наклоняется, припадает к моему естеству, и я падаю на подушки, вскрикиваю, глаза закатываются, когда горячий язык резко проникает в меня.

Он пьет меня со всей силой, царапает нежную кожу бедер щетиной и погружает в водоворот чувств. Терзает, подводя к определенной грани. Кричу. Взрываюсь. Перед глазами вспыхивают снопы искр и проскальзывает звездное небо.

Ривз не отпускает мое бьющееся в судорогах оргазма тело, продолжает впитывать мою пульсацию и проводит языком вдоль живота, кусает грудь, затем вылизывает, подобно зверю, горящие следы, проводит языком вдоль открытой шеи и подбородку, припадает к искусанным губам.

Порочный поцелуй с моим собственным вкусом и запахом на его языке. Сильная хватка на горле и Тайгер отстраняется, нависает, смотрит в мои растерянные глаза, рассматривает меня. Заглядывает в самую глубину сознания.

Я уязвима перед этим острым взглядом, раскрыта полностью, распята под ним.

– Сладкая. Какая же вкусная, – выдыхает в самые губы.

Резко ощущаю свою наготу. Я обнажена, в то время как

мой мужчина полностью одет. Становится не по себе. Моя уязвимость перед ним пугает, и Тайгер ощущает мое смятение.

Одним слитным движением отдаляется и встает с кровати, лишая меня своего тепла. Смотрит не отрываясь, рассматривает, изучает, и я горю под пламенем этого взгляда.

В какой-то момент не выдерживаю столь пристального внимания, нащупав простыню, тяну ее на себя.

– Не смей! – хлесткий приказ и я замираю от звериных интонаций и рычащих ноток в голосе. – Не закрывайся от меня!

Мой Черный Ястреб, не отводя от меня пылающих глаз, принимается расстегивать рубашку.

Я как завороженная наблюдаю за ним и дыхание перехватывает от литых мышц натренированного тела бойца. Тайгер резким движением отбрасывает рубашку, а я замечаю игру канатов мышц на предплечьях, рассматриваю мощную грудную клетку и дорожку волос на прессе, уходящую под пояс брюк.

Смотрю во все глаза как он расстегивает кожаный ремень с массивной серебряной пряжкой и спускает брюки. Одним, по кошачьи плавным, движением избавляется от одежды, представ перед моим потрясенным взором во всей своей первобытной красоте и мужественности.

Изучаю его, впитываю образ, наблюдаю, как Тайгер без стеснения демонстрирует себя во всей красе.

Восхищаюсь. Подобные фигуры имеют античные статуи, увековеченные в мраморе. Такими ваяли древнегреческих богов и атлантов. Ощущаю первобытный животный страх, напоровшись взглядом на вздыбленный член с прорисованными венами. Сглатываю. Таким оружием можно только рвать на части.

Накатывает паника. Но я не успеваю выдохнуть, как молниеносным движением сильное тело накрывает меня, обездвиживает.

Ривз ловит мой потрясенный взгляд.

– Не бойся, – глухой голос. – Мне легче вырвать себе сердце, чем навредить тебе.

Теряю себя в очередном жарком поцелуе. Тайгер впивается в меня пальцами, прикусывает кожу, метит. С силой раздвигает ноги и выбивает очередной стон удовольствия.

Понимаю, что до этой секунды Ривз просто играл с моим телом, подготавливал. Его напор подавляет, в глазах пылает пламя ада, и я горю в нем, сгораю, умираю и рождаюсь вновь.

Он мучает меня своими ласками, доводит до безумия, заставляет теряться в водовороте чувств. Его губы безжалостно терзают мою израненную плоть, он заставляет меня стонать снова и снова, пока, наконец, я не чувствую, как его горячий конец упирается в меня, проникает, раздирая на части.

Кричу, не в силах вынести эту боль, которая проскальзывает по телу каленым железом. Тайгер замирает. Его глаза

пылают, на дне зрачков я читаю свой приговор, он отдаляется!

Превозмогая боль, тянусь к нему, обнимаю за шею, впиваюсь в губы поцелуем! Цепляюсь за него изо всех сил, не позволяю отпрянуть.

Кажется, что камень целую. Он не двигается. Натянут, как канат, напряжен до предела. Мы замерли на самом краю пропасти. Я не могу его отпустить. Я хочу принадлежать ему вся, целиком.

Наконец, Тайгер отмирает, отвечает на поцелуй и берет инициативу в свои руки, он выжигает меня собою, клеймит! Каждый толчок откликается болью. Кажется, что меня подвергают изощренной пытке, проталкивая внутрь раскаленное копье.

– Какая узкая у меня девочка, – выдыхает мне в губы Ривз. – Слишком узкая, порву…

В следующую секунду он закидывает мои ноги себе на плечи, замирает внутри, и целует со всей силы. Играет с возбужденными сосками, сжимает и щипает горящие вершинки, посылая импульсы наслаждения в глубину моего тела.

Меня опять накрывает дымкой наслаждения. Я горю под умелыми ласками, и в какой-то момент Тайгер вновь начинает двигаться во мне. Эта острота, граничащая с болью, становится сладостью.

Он терзает меня медленно, изводит ласками и доводит до экстаза снова и снова.

Мое наслаждение заставляет Ривза отпустить тормоза. С каждым касанием, с каждым толчком он действует все более яростно, словно пытается меня сожрать, поглотить, уничтожить и создать вновь!

Пылаю в его объятиях, смотрю в его глаза, где зрачок заполняет всю радужку, и то, что я там читаю, мне не знакомо… Я не могу найти объяснения чувствам, которые вижу в омутах, горящих углями.

Меня трясет от чувств. Я дрожу в его руках и тело натягивается струной в ожидании чего-то мощного, что просыпается в самых глубинах моего существа.

Тайгер сжимает зубы и вцепляется руками в простыни, пытается сдержать себя, но я не хочу, чтобы он сдерживался.

Я ласкаю его плечи и спину. Провожу пальцами по каменным вздувшимся мышцам предплечий, целую бешено пульсирующую жилку на шее, ощущаю острый свежий запах любимого мужчины.

Тайгер рычит, краем сознания слышу треск порванной материи и понимаю, что он разорвал простыни руками. Следующий мощный толчок отправляет меня в сладостный омут.

Я кричу, тело сокращается, выгибается в сильном спазме наслаждения. Твердый губы впиваются в мои, поглощают срывающийся крик, и я чувствую пульсацию в глубине, орошающую меня изнутри жидкой лавой.

Тай прислоняет мокрый лоб к моему и тяжело дышит, не

отпускает, ласкает подушечками пальцев мои скулы, очерчивает линию носа и губ.

Глаза слипаются, соскальзываю в сладкую дрему, которая накатывает на меня теплыми волнами…

И где-то на периферии сна и яви мне кажется, что я чувствую нежный поцелуй в висок, а до угасающего сознания доходит горячий шепот, пропитанный негой:

– Люблю… тебя…

Глава 4

Теплые лучи утреннего солнца весело играют на лице. Еще не успеваю открыть глаза, как на губах, припухших и болящих после поцелуев, расцветает улыбка.

Прислушиваюсь к себе, между ног ощущается резь и дискомфорт, кажется, что там все распухло и неприятно тянет. Вспоминаю бешеный темперамент Тайгера и то сумасшествие, которое он вытворял со мной.

Картинки всплывают в сознании и заставляют кожу гореть. Я стала женщиной в объятиях любимого, опытного мужчины, подарившего действительно незабываемую сказку.

Ночью мне казалось, что я спала, уткнувшись в его теплый бок. Протягиваю руку в поисках тепла, но, не наткнувшись на Тайгера рядом, распахиваю глаза. Встречаюсь с реальностью утра: смятые простыни, погасшие свечи и увядающие цветы.

Улыбка медленно спадает с лица, и неприятный холодок предчувствия проходится вдоль спины. Тревожные звоночки звенят.

Сажусь в постели, прикрывшись простыней. Вдруг очень остро ощущаю свою наготу и беззащитность, кутаюсь в легкую материю. Спускаю босые ноги на пол и морщусь от болезненных ощущений.

– Тай!

Кричу. В ответ тишина. Дом отвечает гробовым молчанием. Оно обрушивается на меня всей своей неподъемной тяжестью.

Взгляд упирается в немного выдвинутый ящик белоснежной прикроватной тумбочки. Обычно я не любопытствую и не шустрю по ящикам в чужих домах, но здесь… Что-то толкает меня взяться за ручку и не закрыть, а, наоборот, потащить ящик на себя.

Леденею, когда замечаю таблетки экстренных контрацептивов. Подобную пачку я видела у моей подружки Луизы. Темпераментная южанка частенько провоцировала своего парня и на крайний случай при себе всегда имела определенный комплект защиты.

Как наяву вижу наш последний разговор.

– Адель, детка, девочки всегда должны провоцировать и быть защищены, – смеется черноволосая красотка со смуглой кожей и проводит алой помадой по губам.

– Луиза! – стукаю ее шутливо по заднице, на оную эта умная стерва никогда не находит приключений.

В ответ Лу бросает в меня пачкой презервативов и таблеток.

– Кидай в сумку и держи весь боезапас при себе! – улыбается мне эта оторва через зеркало.

По инерции сжимаю коробку в руке, встаю и делаю несколько шагов в сторону дверей. С трудом передвигаю но-

ги. Все тело болит. Выхожу в коридор и застываю, встретившись со своим отражением в зеркальной стене.

На меня смотрит хрупкая растрепанная блондинка с голубыми испуганными глазами и отметками страсти по всему телу. Такое впечатление, что я побывала то ли в аварии, то ли в мясорубке. Хотя, последнее недалеко от истины.

– Тай, – чуть тише зову я, спускаясь по лестнице на первый этаж. Не слышу ни единого отклика.

Я прохожу по светлой гостиной, вижу накрытый на две персоны стол с остывшими блюдами, к ним мы так и не прикоснулись.

Чем больше проходит времени, тем более четко приходит осознание, что я здесь одна. Все кажется, что это просто случайность. Тайгер появится внезапно, схватит меня в охапку, закружит и вновь подарит остроту своих ласк.

В холле натыкаюсь на свой клатч, забытый на огромной белоснежной софе, медленно подхожу и достаю телефон. Потратив на раздумья секунды и поджав пальцы на ногах то ли от волнения, то ли от холода, проникающего в меня от мраморных плит, нажимаю на вызов.

Гудки идут, и я слышу знакомую трель. Поворачиваю голову в сторону непрерывного звука, холодею, наткнувшись на небрежно брошенный на овальном столе серебристый навороченный смартфон Тайгера…

Сердце начинает странно колоть ужасным подозрением. Оно находит свое подтверждение с каждой секундой.

Слышу резкий мужской голос:

– После того, как утолял свой голод, я забывал о своих шлюхах, просто выходил за дверь и вычеркивал девок без лишних слов и объяснений!

Что я знала о боли?

Наверное, ничего до этой секунды.

Ощущения такие, словно он эти ядовитые слова в лицо мне бросает, снова и снова бьет ими и толкает в пропасть, которая разверзлась под моими ногами, и я понимаю, что уже не лечу…

Я уже упала с высоты небес. Я разбилась вдребезги и валяюсь сломанной куклой на остриях камней.

Руки трясутся, телефон выскальзывает из ослабевших пальцев и с оглушительным грохотом ударяется о мраморный пол, разбиваясь…

Он ушел. Не сказав ни слова. Ушел так, как и предупреждал. Просто вычеркнул меня. Оставив мобильный, чтобы не названивала.

– Тай… – едва различимый предсмертный всхлип рождается на дрожащих губах…

Ноги подгибаются, я падаю на мраморный пол, болезненно стукнувшись коленками. Я физически ломаюсь от силы полученного удара.

Бью кулаками по глянцевым плиткам шикарного белоснежного холла, ломаю ногти в кровь и вою в голос.

Господи, как же мне больно! Я не знала, что сердце можно

ощущать с такой силой, оно болит и пульсирует в агонии.

Я плачу, и мне кажется, что не слезы текут по щекам, это кровь вытекает из меня по каплям, жизнь уходит, и я чувствую, как ледяной холод заполняет все существо.

Предательство ядом расползается по губам, пропитывает и отравляет мою суть…

Глава 5

Ты – яд в крови,
Ты – одержимость,
Ты… мои сердце и душа.
Набросок. А. Гур.

Тайгер Ривз

Практически не сплю, безотрывно рассматриваю белокурую красотку, что устроилась под боком.

Адель вызывает тепло в груди, даже во сне кажется трогательной и невероятно сексуальной. Растрепанная, с чуть приоткрытыми исцарапанными и припухшими от моих остервенелых поцелуев нежными губами.

Этой ночью я сдерживался, как мог, пытался не замучить свою сладкую девочку, но все равно проиграл демонам, наконец добравшимся до желанной добычи.

Зажимаю тонкое одеяло в руке и медленно стягиваю, хочу видеть ее хрупкое тело, которое любил ночь напролет.

Улыбаюсь, поймав последнюю мысль за хвост. Вот именно, что любил, и никак иначе. Хищнику внутри меня нравится видеть отметины, которые он понаставил на нежной бархатной коже.

От моей агрессивной сути не уйти… Странные ощущения. Никогда еще не засыпал с женщиной. Шлюх имеют. С ними не спят. Их сон не стерегут и ими не восхищаются.

С темным удовольствием рассматриваю исцарапанные моей щетиной ключицы. Изучаю отметины и следы своих диких поцелуев на молочной коже груди с алыми острыми воспаленными сосками, и понимаю, что опять завожусь, словно не я был в пьяном угаре секса всю ночь.

И мне все равно мало. Как маньяк, продолжаю тянуть покрывало вниз, открывая все больше желанного тела, любуясь.

Нехило завожусь. Но в эту самую секунду Адель передергивает тоненькими плечами во сне, и ее кожа покрывается мурашками. Быстро возвращаю одеяло обратно, укрываю, чтобы ей не было холодно.

Лежать рядом и не трогать ее становится первоклассной пыткой. Осознаю, что рано пока, и так замучил, заставляя кончать снова и снова, наслаждаясь хрипотцой сорванного голоса.

Сжимаю зубы и выдыхаю. В какой-то момент понимаю, что со стояком нужно что-то делать и иду под холодный душ.

Ледяные капли острием игл простреливают пылающую кожу. Стою, опустив голову и подставив затылок под удар. Заставляю себя не двигаться, не дышать, пытаю тело, прогоняю возбуждение и остываю в прямом и переносном смысле.

Возвращаюсь в спальню, сразу выхватываю взглядом Адель, которая закуталась в одеяло так, что только остренький носик и выглядывает.

Внезапно мозг простреливает пониманием. Я не предо-

хранялся. Впервые мне не хотелось никаких преград. Черт. Быстро подхожу к кровати и выдвигаю ящик.

Нахожу необходимые таблетки.

Адель отвлекает, переворачивается во сне, и я не удерживаюсь, провожу пальцами по белокурому шелку волос, в беспорядке свисающему с подушки.

Пока мне не понадобилась вторая ледяная экзекуция, быстро одеваюсь. Отворачиваюсь. Беру ключ-карту и направляюсь к лифту.

Нужно проветрить мозги, погулять полчасика и вернуться. Учитывая, что Адель уснула под утро, ей еще спать и спать. Не хочу оставлять ее надолго. Мне просто нужна короткая передышка и несколько минут вдали от нее.

Прикладываю ключ-карту и захожу в лифт. Стальные створки плавно закрываются, и я еще не подозреваю, что именно сейчас серебристый метал отрубает меня от целого пласта прежней жизни, лишая обратного пути.

Я стою с коробочкой сделанных на заказ пирожных в ожидании лифта, когда со спины на меня нападают, бьют под коленную чашечку, валят на пол. Коробка вылетает из рук.

Взгляд выхватывает размазанные по полу кашеобразные цветные сгустки. Эта цветная лажа, разбрызганная на полу, еще долго будет приходить мне во сне.

Странная игра восприятия – я не буду вспоминать кровь, изувеченные тела и изорванные части плоти врагов. А эту хрень запомню.

Получаю точные удары по почкам и печени. Меня бьют правильно, четко отработанными движениями, используя фактор неожиданности и пытаясь завернуть руки за спину, дезориентировать.

Зверею. Действую инстинктивно. Выворачиваюсь. Высвобождаюсь из болевого захвата, несмотря на хруст и прострелившую плечо адскую боль.

Бью на поражение, выполняю все запрещенные удары. Получаю в челюсть и чувствую металлический вкус крови. Когда напарываюсь взглядом на знакомые лица охранников, слетаю с катушек. Еще один вылетает из боя, получив удар по кадыку, задыхается. Я слышу хруст ломающихся костей.

Нет времени думать и понимать, почему все это происходит. Отцовские псы напали, и единственное, о чем я думаю, это то, что Адель в моей квартире. Фак. Первая и единственная мысль – защитить.

На автомате наношу удары, сопротивляюсь. Но я один против тренированных бойцов, которые ожидаемо укладывают меня на пол в очередном болевом захвате, вывернув руки.

Цежу ругательства и все равно пытаюсь отбиться, выворачиваюсь, вполне осознавая, что еще немного подобного давления и мне просто порвут связки.

В какой-то момент меня хватают за волосы и натягивают их с такой силой, что, кажется, сорвут скальп.

– Твою мать, Тигр! Какого ты тут устроил?! – кричит мне

в лицо начальник службы безопасности отца.

– Это ты какого хера, Стив?! Совсем охренел?! – ору в ответ.

– Ты не знаешь… – ошалело выдыхает крупный седовласый мужик. Я знаю его с самого детства. Он кивает парням и меня немного отпускают.

Стив заглядывает в глаза и произносит:

– Тайгер, за твою голову назначена награда. У нас нет времени.

– Чего я не знаю? – задаю вопрос, потому что чую, когда мне лгут и замалчивают.

На грубом, испещренном морщинами лице Стива проскальзывает неверие и губы поджимаются, выдавая скорбь:

– Все убиты, Тайгер. Вся твоя семья… Ты – последний.

Грудная клетка взрывается болью. Воздух застревает в легких. Осознание произошедшего убивает.

Я чувствую себя так, словно нахожусь под действием первосортных транквилизаторов. Обмякаю в руках отцовских псов, позволяю им утащить меня, падаю на заднее сиденье бронированной тачки и понимаю, что мой мир взорван, уничтожен, как и вся моя семья.

Тайгер Ривз. Все, кем он когда-то был, убито этим утром. Где-то в глубине в предсмертной агонии бьется душа мальчишки, сгорает с именем и образом белокурой девчонки на устах.

На пепелище потерь, смрада и гари рождается монстр, ко-

торый обречен жить лишь на одном двигателе и имя ему – месть.

Глава 6

Адель Соммерсье

Тихонечко забираюсь на софу в холле, обнимаю колени и останавливаю взгляд на створках лифта, которые тупо гипнотизирую на протяжении длительных часов. Глупое сердце все ждет, что Тай вернется. Но…

Чуда так и не происходит.

Сквозь панорамное окно во всю стену наблюдаю закат, раскрашивающий пространство пентхауса багровым цветом. Кажется, что вокруг все в крови.

Символично.

Ночь с любимым мужчиной, утро разбитых надежд и одинокий багрянец заката…

Бросаю взгляд на коробку с противозачаточными, все еще зажатую в руке, сжимаю кулак до хруста костей.

Мне нужно принять лекарство и решить вопрос…

Выдавливаю таблетку на ладонь, ненужная коробка падает на пол. А я рассматриваю белоснежный кругляш, словно диковинную ядовитую тварь, упавшую на руку.

Стоит подумать, что мне нужно проглотить лекарство, как меня начинает тошнить. Прикрываю глаза, прислушиваюсь к себе. Тело болит нещадно.

Провожу кончиками пальцев по груди, задеваю соски, которые отвечают пульсацией и опускаю руку на живот, зами-

раю, прикрываю глаза.

Во мне может уже жить частичка Тайгера… Продолжение моего безжалостного монстра.

Могу ли я убить его?

Солнце скрывается за горизонтом. Черные тени заползают в дом, играют на стенах… Вот и пришел мрак. Последняя крупица надежды погибает.

Медленно поднимаюсь с софы и направляюсь к лифту. Решение приходит неосознанно.

Если этой ночью во мне зародилась новая жизнь, то так тому и быть. Какие бы последствия ни имела эта ночь, я их приму…

Ненужная таблетка падает на пол, слышу, как она стукается о мрамор и теряется на просторах холла. Активирую лифт, покидаю логово зверя.

Больше мне здесь делать нечего.

Как добралась домой, не помню. Все случилось так, как и предсказывала мать. Я вернулась израненная, с перебитыми крыльями за спиной.

Положила чемодан в коридоре и упала в теплые материнские объятия. Я не плакала. А Ивет ничего не спросила. Все было ясно, предсказуемо. Сердце откликалось болью, а в душе царила пустота, некий вакуум, когда нет чувств, нет эмоций. Все глухо.

Я зашла в свою комнату, закрыла дверь, и как была в одежде, так и упала на кровать. Мне хотелось побыть в темноте

и одиночестве. Лежала с открытыми глазами, уставившись в никуда.

Пограничное состояние между сном и явью. Сколько я пролежала, не знаю, просто в какой-то момент фамилия Тайгера донеслась до сознания, а затем послышался звук разбитой посуды.

Я рванула с кровати и бросилась в гостиную, где по телевизору крутили новости: раскадровка с места трагедии, следы пожара и разбитые куски искореженного метала.

А затем… Я вижу фотографии. Замираю, застываю, когда с экрана телевизора на меня смотрят сине-зеленые глаза Тайгера. Семейная фотография, где двое мужчин, страшно похожих, обнимают миниатюрную элегантную шатенку. Тайгер – копия отца. Вереница фотографий незнакомых людей и девочки-подростка в черных рамках. Сердце рвется в кровь от понимания, что случилось страшное.

В самом конце карусели из фотографий на экране появляется лицо моего Черного Ястреба крупным планом. Меня пробивает вспышкой дикой боли.

– С вами Саманта Стром, – рыжая, ярко накрашенная журналистка сжимает в тонких пальцах микрофон, стоя перед огромным особняком, частично скрытым витым забором, – я веду репортаж из загородной резиденции семейства Ривзов. В связи с трагедией ведется следствие. Мы ждем появления представителей семьи. Напоминаю, что страшная катастрофа унесла жизни девятерых человек. Погибли все

пассажиры, а также экипаж частного борта. Тайгер Ривз по некоторым данным считается пропавшим без вести. Пока не ясно, был ли наследник империи на борту лайнера.

Голова взрывается, перед глазами темнеет, воздуха перестает хватать, но я заставляю себя ловить каждое слово репортерши:

– Некоторые СМИ утверждают, что это мог быть теракт, или же диверсия против одного из крупнейших владельцев металлургической корпорации страны. Дэвид Ривз славился бескомпромиссностью и довольно жесткой манерой ведения дел. Он являлся крупным меценатом и руководил несколькими благотворительными фондами.

– Вон он! Вон… снимай…

Легкая заминка и рыжая, сверкнув глазами, бросается по направлению к подошедшему к журналистам азиату:

– Господин Мун, господин Мун, – кричат журналисты наперебой, – что известно о Тайгере Ривзе? Был ли он на борту? Его считают пропавшим без вести… А правда, что вся империя будет поделена между конкурентами и партнерами? Вы считаете, что это диверсия?

Сухое лицо с раскосыми черными глазами, что смотрят прямо в объектив, и мне кажется, этот человек сейчас отвечает именно мне:

– Мы пока не комментируем ситуацию. Могу только сказать, что ведется следствие и по мере поступления информации мы будем делиться ею с общественностью.

– Есть достоверная информация, что Тайгер Ривз не был на борту! Накануне он присутствовал на выпускном своей девушки, – не унимается рыжая репортерша.

Щуплый мужчина останавливает холодный взгляд на бойкой корреспондентке, которая в замешательстве делает шаг назад.

– У Тайгера Ривза нет девушки. У него есть невеста. Мисс Дэвис сейчас безутешна. Имейте такт и культуру, – одним взглядом человек по фамилии Мун заставляет всех застыть и продолжает свой путь.

Последняя фраза выбивает всхлип и горький истерический смех. Значит, Тайгер обручен… Слезы градом текут по щекам, а я смеюсь, как ненормальная. Я – никто. Очередная шлюха, с которой Ривз приятно отдохнул. И которую прямым текстом предупредил, как именно все будет.

Только вот сердце болит за него. Хочется бежать к нему, обнять и просить, чтобы поделился своей болью! Я все стерплю! Все вынесу…

Мать выключает телевизор и в растерянности смотрит мне в глаза. Она проводит по лицу руками, словно пытается собраться.

– Рассказывай, – короткий приказ и меня прорывает. Я говорю обо всем. Слезы все текут и текут по щекам, и я понимаю, что мне нужно просто выговориться.

– Тай… он жив… он не мог умереть… он был со мной… – шепчу непослушными губами.

– Думаю, что об этом никто не узнает. Судя по всему, это невыгодно афишировать. Сама слышала – там безутешная невеста имеется.

Смотрю на мать, и Ивет отвечает на мой молчаливый упрек:

– Его мир жесток. Страшная трагедия… Но… этот хищник знаком с изнанкой, – короткий взгляд в мою сторону. – А мне нужно думать о тебе! Вы предохранялись?

– Да… – ложь слетает с губ без заминки.

Мать смотрит на меня, пытаясь понять, вру ли я, но в какой-то момент выдыхает и как-то сдувается. Ивет берет меня за руку, и я смотрю в ее уставшие голубые глаза.

– Я цинична, Адель. Жизнь многому учит. Посмотри на меня внимательно. Кого ты видишь перед собой?

– Мам…

– Не считай меня врагом, дочь. Когда-то я была такой же наивной девчонкой, но жизнь, реальная, не придуманная жизнь, жестока. Я не хочу, чтобы ты прошла через то, что прохожу я каждый день. Перед тобой открыты возможности, тебя ждет будущее. Не совершай ошибок. Отпусти его тень. Нет его в твоей жизни. Нет и никогда не было. Не буду говорить, что я тебя предупреждала… Вас жизнь разводит в разные стороны. Забудь и живи дальше.

– Я… поняла, – едва уловимый шепот.

– Вот и хорошо…

Мать внезапно хватается за левую руку и начинает осе-

дать, бледнеет.

– Мамааа, что? Что с тобой? – пугаюсь хватаю ее, трясу. – Мамааа!

– Воды, – короткий вздох.

Бегу на кухню, молниеносно возвращаюсь со стаканом.

Мама тяжело дышит, и я вливаю воду ей в рот, помогаю.

Спазм проходит нескоро.

Я обнимаю ее, вытираю мокрый лоб, глажу по волосам и впервые понимаю, что Ивет не так сильна, как хочет казаться.

Одинокая, слабая женщина, всю жизнь пробатрачившая за гроши и вынужденная выживать в трущобах. Примерно в моем возрасте оставшаяся без мужа с маленьким ребенком на руках…

– Мам, часто у тебя такие приступы бывают? – беспокоюсь я.

В ответ получаю улыбку:

– В последнее время у меня иногда бывает, пройдет, дочка, ты, главное, себя береги… А так, была у врача на днях. Попью таблетки, пройдет.

Глава 7

Дорога позади в следах кровавых стоп,
И я иду одна вдоль троп…
Набросок. А. Гур

Сгорбленная похудевшая девчонка с потухшим бессмысленным взглядом смотрит в окно часами.

Что я там пытаюсь разглядеть, не знаю. В голове пусто. Передо мной знакомый пейзаж трущоб с уродливыми зданиями, плотно прилегающими друг к другу.

Эти здания, как люди, живущие здесь – безлики, изуродованы, практически разрушены временем, невзгодами и ветром. В моих краях ветра безжалостны. Они бывают сухими, холодными, разрушительными.

И почему в трущобах так ветрено? Вечные сквозняки, холодящие тело и душу…

Мне скоро уезжать.

Смотрю в окно… Состояние у меня, наверное, близко к коматозному. Чувства выгорели. Осталась оболочка. Вроде все та же и совершенно другая…

Я не хочу вылезать из постели, не понимаю, день или ночь за окном. Мне все равно. Мне ничего не нужно. Странное состояние. Я не ем, практически не сплю и… у меня задержка.

Воспоминания и реальность путаются. Я нахожусь будто в густой дымке тумана… Понимаю, что мать мне что-то выговаривает. Вижу, как двигаются губы, но слова до меня не доходят.

Я не могу их осознать.

Затем другой обрезок воспоминаний. Я сижу на кровати, положив голову на колени Ивет, и чувствую, как она гладит меня по волосам так же, как в далеком детстве, тихонечко напевая колыбельную…

Мама поддерживает меня. Она немногословна. Раньше я не замечала особый отпечаток скорби в ее глазах. Сейчас я часто встречаюсь с подобным взглядом в зеркале, когда ловлю свое отражение.

Воспоминание исчезает.

Перевожу взгляд на обшарпанное здание ткацкой фабрики, виднеющееся вдали, где мать работает тьму лет.

Слышу, как звонит домашний телефон, не реагирую, пока в какой-то момент не надоедает назойливость звонящего. Свой мобильник я безнадежно сломала. Такое не починишь, он, как и его хозяйка, разлетелся на тысячи осколков, упав на мраморный пол чужого пентхауса.

Подхожу и на автомате отвечаю:

– Да.

– Адель! Наконец-то дозвонилась! Куда ты пропала?! Почему не отвечаешь на звонки?! Все думала, что вы с Тайгером наконец-то дорвались до сладенького и времени на по-

другу нет… А потом увидела новости и… Как ты? – тревожный голос Луизы доносится до меня с трудом, словно я нахожусь под слоем воды.

Я разминаю шею рукой, слушая щебет подруги. Кости ломит.

– Телефон сломался. Не знаю, само собой получилось… – ровно отвечаю я.

Пауза длится недолго, и растерянная Лу спрашивает:

– С тобой все в порядке, Адель? Говоришь как чужая!

До меня доходят нотки растерянности и возмущения в голосе подруги, но я не особо реагирую. Лу замолкает, затем пытается завязать беседу:

– Я еду в Кембридж к Феликсу… и… Адель… почему ты все время молчишь?

– Я рада за тебя, Лу, – сухо отвечаю.

Я устала, хочу уже положить трубку, что кажется невыносимо тяжелой. Мне физически сложно ее удерживать в руке. Во всем теле волной накатывает разбитость и ломота…

– Это Ривз, да?! Адель… – пытается достучаться до меня подруга из прошлой жизни. – Не молчи! Поговори со мной! – донимает меня Лу.

Долгая пауза и растерянная Лу шепчет:

– Адель… Я не могла тебя найти, волновалась после того, как ты пропала! Я говорила с Феликсом… он мне кое-что сказал, просто мои подозрения его натолкнули на мысль. И… Я не верила, но… Он сказал, что быть такого не может…

Но… Понимаешь, Адель, наши мажоры любят заключать пари, жестокие ставки и игры на девственниц! Суть в том, что девчонка должна сама просить переспать с ней. Адель, я не знаю, но, если Ривз… он чемпион, понимаешь, во всем. Он мог…

Дальше голос подруги доходит до моего сознания словно сквозь пелену. В ушах шумит, как будто я стою под водопадом. С каждым словом Лу становится все дальше от меня, я закрываюсь, потому что понимаю, что не в состоянии общаться ни с кем из своего прошлого.

Я не хочу ничего слышать.

Это слишком больно.

Любое напоминание – ржавый гвоздь, который вгоняют под ногти. Я и так изранена в кровь.

Не дослушиваю. Вешаю трубку, затем нажимаю на отбой, со странным злорадством слышу долгие гудки, которые убеждают, что Лу больше не дозвонится. Линия занята. Отхожу к окну и смотрю вдаль, изучая ненавистный и родной пейзаж трущоб.

Все ложь и обман. Я и так это знаю.

Мой взгляд привлекает обыденное действо: мать оттаскивает плачущую светловолосую девчонку от витрины магазина.

Ребенок хочет, чтобы ему купили сладкое, а денег, наверное, нет. Слышу сквозь открытое окно громкий детский плачь и горько улыбаюсь, пришло время малышке осознать,

что не всегда мы получаем то, что хотим, а иногда заветный шоколад может оказаться с горьким послевкусием…

Глава 8

Тайгер Ривз

Не могу собраться и отдышаться после полученного оглушительного удара. Пролистываю сводки новостей в телефоне. Моя фамилия на первых полосах всех СМИ. Заставляю себя посмотреть видеорепортаж с места трагедии.

Шок. Я пока еще не воспринимаю произошедшее.

Откладываю телефон. Голова раскалывается. Боль застилает взор. Понимаю, что должен взять под контроль эмоции, но не могу…

Мне хочется оплакивать утрату, хочется выть в голос, биться раненным зверем о прутья клетки, ломать себя, калечить, чтобы отвлечься, отключиться от душевных терзаний…

Закрываю глаза и оказываюсь в кабинете отца. Сильный мужчина с проницательным взглядом внимательно смотрит на меня:

– Ты влюбился, сын, – легкая улыбка на холодном лице.

– Да, – отвечаю ровно и спокойно, развалившись в кресле. – С Адель все серьезно.

– Ты ведь понимаешь, что эта девочка делает тебя слабым, Тайгер, – отец просто информирует, это даже не вопрос.

Киваю, готовый упереться рогами и защищать свою территорию:

– Все под контролем.

– Она не твоего круга. Ее легко достать, а значит, через нее можно добраться до тебя.

Отец играет сильными пальцами по столу и внимательно рассматривает меня. Напрягаюсь.

– Скоро ты займешь мое место. Ты уже практически моя правая рука, но молодость – самонадеянна… Я не вижу будущего у твоих отношений.

– Ты прав, отец. Это МОИ отношения. Если тронешь Адель, обретешь врага в лице собственного сына.

– И не собирался. Если бы хотел, давно бы вопрос решил. Информацию собирать не только ты умеешь… – ухмылка, намекающая, что отец в курсе всего. – В принципе, действуешь ты практически без промашек, серьезно девчонку не светишь, она незаметна.

– Я уже сказал. Адель – моя. Что и как я буду с ней делать, решать только мне. Будет нужна защита, я ее обеспечу.

Дэвид Ривз, присвистнув, откидывается в черном кожаном кресле и, наклонив голову к плечу, прошибает меня рентгеновским взглядом.

– Послушай меня внимательно, Тайгер. Сделай засечку на будущее. Иногда лучшее, что ты можешь сделать – это отпустить. Дать возможность на жизнь без тебя. Или же… принять решение и максимально приблизить, сделать настолько своей, что в ее сторону дышать побояться, дать свою защиту, но это только в том случае, когда у тебя хватает на это

авторитета. Тут не может быть полутонов. Либо плюс, либо минус. Либо обрубаешь на корню, либо приковываешь к себе цепями. А теперь о насущном, где документы по вашингтонской сделке?

Выплываю из этого воспоминания.

Осознание добивает.

Она – последнее, что у меня осталось. И единственное, что я могу сделать для нее – отпустить.

Адель. Моя гордая, сильная девочка будет меня презирать. Будет думать, что предал. Ненависть – сильное чувство. Оно дает возможность жить и бороться. Провоцирует стремления.

Один звонок, и она почувствует неладное. Одно слово и она будет ждать и страдать…

Моя последняя потеря…

Обрывки воспоминаний проскальзывают перед внутренним взором.

Податливая девочка подо мной. Хриплые стоны и вскрики. На губах невыносимая сладость поцелуя, утопаю в затуманенных страстью голубых глазах и вонзаюсь в желанное тело. Чувственное наслаждение на грани боли…

Сдерживаюсь, верхняя губа дрожит от напряжения, пьянею от вкуса и запаха. Ласкаю пальцами средоточие ее наслаждения, чувствую нежные влажные лепестки, заставляю свою женщину дрожать.

Такая горячая и шелковая внутри, огненная и пылающая

страстью.

– Насытиться тобой не могу… – с трудом, не сбавляя дикого темпа.

В ответ только стон наслаждения. Ловлю ее взгляд, соскальзывающий в пучину оргазма. Не даю кончить, удерживаю на грани.

Закатывает глаза, всхлипывает мне в губы, плотнее обнимает меня за шею, прижимается всем телом.

– Тай… пожалуйста…

Просит. Отдается со всем пылом… А я сума схожу и не позволяю нам упасть в омут, продолжаю сладкую пытку, потому что насытиться, успокоиться не могу, оторвать себя от нее не могу…

– Прости меня, – мысленно проговариваю ей. – У монстров нет слабых мест. У них нет души.

Я уже мертв. А ты должна жить. В моем аду тебе нет места. Ненавидеть легче, чем любить. Я забираю любовь, я умею терпеть…

Загоняю воспоминания в клетку.

Устремляю пустой взгляд на пролетающий город за окном. Блокирую чувства. Мне нужен полный контроль над эмоциями. Разум должен быть трезв. Отключаюсь от внутренних терзаний и наконец просыпается чутье. Сопоставляю факты. Вспоминаю все, что могло послужить триггером страшных событий.

– Куда мы едем, Стив? – задаю вопрос, уставившись в ко-

роткостриженый затылок главы службы безопасности.

Ловлю быстрый взгляд в зеркале заднего вида:

– Везу тебя на экстренную встречу состава директоров холдинга. Будем рыть землю в поисках сук.

Рядом звонко сморкаются. Бросаю косой взгляд на красавчика, которому сломал нос, читаю на дне его опухших глаз проскользнувшую злость.

– Понятно, – отвечаю коротко и вновь отворачиваюсь к окну.

Что не так во всей этой ситуации?

– Есть инфа по трагедии, бортовые самописцы нашли? – задаю вопрос, а сам уже обдумываю мысль. “Как подобная диверсия прошла мимо начальника службы безопасности?”

Не особо прислушиваюсь к ответу. Еще одна вспышка воспоминания затягивает.

Вот я стою у лифта с коробкой в руках. Боксерская реакция на удар у меня доведена до автоматизма. Сознание еще не воспринимает, а тело уже реагирует.

Нападение со спины. Я отклоняюсь вперед и удар проходит, не достигая цели, получаю в колено и падаю.

Судя по всему, меня изначально хотели вывести из строя. Зачем? Я нужен, иначе давно бы схлопотал пулю в лоб.

У отца было завещание – не подкопаешься. Вот и ответ, почему я все еще жив. Дэвид Ривз был сильным стратегом и умел прикрывать тылы.

Рассматриваю вооруженных охранников. Замечаю мно-

гое, чему изначально не придал значения.

Мои чудовища просыпаются, выпуская клыки и когти. Я уже нашел первых сук. Судя по всему, расклад простой: меня будут пытать и выбивать необходимые подписи на корпоративных документах, затем за ненадобностью спишут в утиль.

– Стив, сколько ты уже работаешь на нашу семью? – задаю вопрос, чувствуя, как напрягся седовласый старик на переднем сиденье.

Короткая заминка и одна интересная эмоция, похожая на страх, проскользнувшая в глазах моего собеседника.

– Больше двадцати лет, Тай…

Глава 9

Адель Соммерсье

Я рыдаю, сидя в туалете. Слезы текут градом по щекам… Сижу на унитазе и дрожу всем телом.

Опять потеря. Опять утрата. Последняя надежда погибла, потерялась и исчезла, оставив меня один на один с реальностью, в которой нет Тайгера.

В глубине души я мечтала и надеялась… Хотела, чтобы мой Черный Ястреб оставил мне свою частичку. Оказывается, я хотела быть беременной и теперь, когда месячные пришли, я чувствую небывалую опустошенность.

Собираю вещи, готовлюсь к отъезду в Гарвард. Чемодан собран… Прощаюсь с мамой и Эйрин. Только они у меня и остались. Больше никого нет.

– Доченька, я горжусь тобой! – обнимает меня мать на прощание. – Ты очень сильная, Адель, упрямая и цельная. Тебя ждет будущее, о котором никто из нас и не помышлял. Это все благодаря твоему таланту. Ты красива и мужиков на твоем пути будет достаточно. Только свистни. Это и плохо. Ты привлекаешь внимание. Береги себя. Не верь.

Мама отходит и меня обнимает моя пышечка.

– Уже скучаю, в добрый путь…

– Спасибо, Эри…

Мечта всей жизни – Гарвард!

Он открыл свои радушные двери перед обычной девочкой из трущоб! Льготное место – грант, который я получила – редкостная удача. Радости нет. Есть осознание, что это мой звездный билет, который я вытянула. Учеба – путь в жизнь. Возможность, которую я собираюсь использовать по максимуму.

Я вступила на территорию Альма-матер сильных мира сего! Опять. Нет уже ни трепета, ни радости, ни впечатления. Сердца нет, чтобы это все чувствовать.

Я ступаю по чистым дорожкам меж зданий университета с мировым именем, прохожу вдоль строений, имеющих историческую ценность, рассматриваю памятники. И понимаю, что все здесь носит клеймо Тайгера. Он здесь учился. Он, как всегда, был одним из лучших студентов.

Мне даже дышать здешним чистым воздухом сложно. Глупая идиотка все ищет его высокую фигуру среди потока учащихся.

Как он мог столько играть? Хотя… Он всегда был тем, кто есть. Видел все через призму своих взглядов. И хотя я знаю, что не встречу на своем пути парня, который разрушил мой мир, мне все кажется, что стоит повернуть за угол и я столкнусь с ним. Подсознание ищет его в каждом…

Иногда ловлю издали похожие черты или выхватываю силуэт, что кажется отдаленно знакомым, сердце трепещет и откликается острой болью.

Гордо шагаю по зданию университета. Смело встречаюсь

взглядом с представителями правящей элиты. В шмотках от известных брендов я не особо отличаюсь…

Шлюхам принято платить… Они должны соответствовать марке владельца. Дура. То, что я принимала за заботу, было просто вкладыванием денег для соответствия уровню.

Сколько раз мы с Ривзом ссорились, потому что я отказывалась принимать его карты. Он несколько раз открывал на мое имя счета. А я обижалась, плакала. Мне казалось это до жути неправильным.

Как наяву вижу наш разговор:

– Птичка моя, почему ты не используешь карту? – бархатные интонации в трубке.

– Потому что я ее порезала. И так же произойдет со всеми последующими, Тай!

Молчание в трубке кажется угрожающим.

– Что тебя не устроило? – резкий вопрос.

Так и подмывает ответить, что недостаточное количество нулей на счете, но я не смертница и таскать тигра за усы не буду.

– Я не приму от тебя денег, Ривз. Неправильно это и… не могу, короче. Ты понял.

Опять молчание, и тихое:

– Понял, Канареечка моя глупая. Твое решение, я его принимаю, но помни, в любой момент ты можешь передумать.

Молчу. Не собираюсь отвечать, потому что не передумаю…

В тот же день, когда вернулась в комнату, увидела завал из брендовых пакетов, коробок и цветов.

Ривз всегда решет вопрос по-своему. Последнее слово всегда за ним.

Войдя в просторную многоярусную лекционную с деревянными партами, наподобие древнегреческого амфитеатра, я привычно сталкиваюсь с заинтересованными мужскими взглядами.

Толпа студентов заполнила все пространство.

Я уже научилась расшифровывать определенные сигналы. Тайгер многому научил. Уже вижу, как девчонки столпились в определенные кружки по интересам. Деление по кастам и группировкам идет полным ходом.

Судя по всему, многие были знакомы изначально, слишком уж панибратски держались.

Выхватываю взглядом группу пацанов, стоящих у окна и смеющихся над понятной им шуткой, где под гогот один парень ударил другого в плечо. Эти друг друга знают давно.

Явно из одной песочницы. Нарушение личного пространства с таким пренебрежением – допуск в круг.

Думаю, что скоро я в этой аудитории увижу много знакомых лиц. Молча прохожу к дальней парте, наталкиваясь на взгляды своих сокурсников. В глазах мажористых парней – откровенный интерес, кажется, меня оценивают на профпригодность.

С высокомерием и плотоядностью, имея меня взглядом.

Девчонки хитрее, они предпочитают не замечать, сразу же распознав, что я не принадлежу к их привилегированной касте.

Сажусь в самом конце аудитории. Не хочу чувствовать чужие взгляды затылком, а оборачиваться у этих снобов не принято.

Мой покерфейс идеален. На своем пути я уже повстречала хищника, и растерзана им. Другие пацаны и рядом не стояли. Ведь опаснее и подлее, чем Тайгер Ривз, не может быть никого.

Разыграть подобную партию длинною в несколько лет, чтобы выиграть пари на целку, может только истинная и расчетливая тварь. Ненавижу!

Гадюшник высшего общества выращивает идеальных расчетливых тварей, которые предпочитают развлечения определенного рода. Острые, щекочущие нервы игры – где цена всему человеческая жизнь.

Богатенькие мальчики любят пари на чистеньких девочек. Кто больше уложит на лопатки, тот и мужик. Чем заманчивее цель, тем изощреннее игра. Ривзу, видно, хотелось пощекотать нервы, ведь вкуснее всего победа, когда жертва сама идет в руки, сама мечтает быть растерзанной.

Тайгер Ривз – чемпион. Даже среди альф есть всегда те, кто первее. Вот и он – альфа, истинный хищник, родившийся зверем. Тот, кому суждено править и ходить по человеческим жизням, давя подошвой своих дизайнерских туфлей

человеческие души, которые ничего не стоят для него.

Так что после встречи с реальным хищником мне пофиг на всех. Остальные выглядят жалко перед монстром, который приблизил меня к себе настолько, что его когти прошили меня насквозь.

Я спокойно встречаю наглый взгляд шатена, который подмигивает и обнажает белоснежные зубы в плотоядном оскале. Судя по всему, он главный в шайке пацанов, стоящих у окна.

Смотрю прямо перед собой, не замечая. Я пришла не с улицы, дорогие. Я уже знаю, кто вы такие. И я уже изломана одним из вас. После подобного становится все равно.

Звучит сигнал, совсем непохожий на звонок, студенты рассаживаются по местам.

Идеальная дисциплина. Четкий устав со своей градацией на ранги. В аудиторию заходит лектор, останавливается у трибуны, окидывает собравшихся цепким взглядом.

Через секунду лекция начата, и я с головой погружаюсь в изучение нового материала…

Глава 10

Я постепенно вливаюсь в ритм университетской жизни. Готовлю рефераты и изучаю материал. Первые пару месяцев учебы проходят как в тумане. Я заваливаю себя информацией, отключаю мозг, направляя его в определенное русло.

Мне нужно не сойти с ума от своей боли. Мне нужно все время занимать мысли, и я делаю единственное, что умею лучше всего – учусь.

Не отрывая головы от книг. Не смотря по сторонам. Мне нужно время, чтобы собрать себя по кусочкам. Чтобы вспомнить, что такое улыбка.

Я даже петь перестала. Не хочу смотреть в ноты. Ничего не хочу. Все, что напоминает о прошлом – боль.

Все подлежит удалению.

В Массачусетсе осень холодная. Влажный континентальный климат оставляет свой отпечаток, лето быстро сдает позиции короткой осени, за которой следует длинная снежная зима.

Я иду по направлению к библиотеке, смотрю под ноги, кутаясь в легкий модельный плащ. В последнее время мне все время холодно. И причина не в погоде. Я мерзну. Руки холодные и стопы ледяные. Кажется, что у меня проблемы с циркуляцией крови.

В кармане вибрирует телефон, приобрела его совсем

недавно и номер знают только Ивет и Эйрин. Больше никого в свой близкий круг я не намерена впускать и не хочу слышать голоса знакомых из прежней жизни.

Не знаю, может, спустя время я смогу преодолеть это помешательство, но пока все так, как есть, и менять что-либо в укладе своей жизни я не намерена.

Отвечаю на звонок, не сбавляя шага. Ожидаю услышать обычное “привет” и уже набившее оскомину “ты как?”.

Не задумываясь достаю из кармана телефон и отвечаю, не осознаю, что это тот самый звонок, который разделит мою жизнь на пресловутые “до” и “после”.

– Да.

Всхлипы в трубке заставляют замереть на месте. Я прирастаю к земле, вытягиваюсь, как струна, каменею, понимая, что моя Эйрин не звонила бы мне в рыданиях не случись беды.

– Адееель… – кричит и я уже знаю, что за этим последует очередная порция боли. Сердце замирает в груди и непослушные губы шепчут вопрос:

– Что?.. – голос срывается. Я замираю, понимая, что у меня кружится голова. Моргаю, чтобы сфокусировать взгляд.

С другой стороны трубки доходят рваные рыдания, по звуку похоже, что Эйрин зажала ладонью рот, чтобы не пугать меня больше, чем она уже успела, но я все равно слышу.

Предчувствие нависает надо мной грозовым облаком и готовится обрушиться шквалом ледяного дождя.

– Ты должна приехать! – всхлипывает Эри. – Я не знаю, что делааать! Страховка не покрывает… ничего не покрывает! – плачь на другом конце превращается в рыдание. – Ивет умирает, Адель. И… Нам отказывают в страховке. Говорят, ее случай не является… я не знаю всех этих заумных слов. Понимаешь, Адееель… Нам отказывают в страховке! Нужны деньги. Много денег. Нужно лечение, лекарства и реабилитация!

Ужасные фразы бьют по сознанию с оглушительной силой, выбивая дух. В какой-то момент я осознаю себя сидящей на середине улицы с жатым телефоном в руках… Слезы текут, капая с подбородка.

Я уничтожена услышанным. Тело бьет в ледяном ознобе. Я дрожу так, что зуб на зуб не попадает.

Реальность обрушивается на меня со всей своей мощью…

Я с трудом поднимаюсь с холодного асфальта, действую подобно роботу. Ноги несут меня в сторону административного здания университета.

Есть четкая цель. Мне нужно разрешение. Просто так из Гарварда не уходят.

Я еще не в силах осознать происходящее, я выбита и уничтожена. Но багровая пелена направляет меня к цели.

Я иду вдоль толпы студентов, иногда меня задевают чужие плечи, и я получаю тычки, которые просто не чувствую. Я – пустыня, выжженная дотла, испещренная шрамами, подобно треснувшей земле. В груди рытвины, зияющие пустотой.

Эмоций нет, меня накрыло плотным коконом ледяного, потустороннего спокойствия, когда ничто, кроме цели, не имеет значения. Цель одна. Мне нужно домой.

Я должна попасть к матери, я должна достать деньги, я должна сделать хоть что-то для человека, который положил всю свою жизнь, чтобы поднять меня.

Прохожу в регистратуру, где сидит молодой парень в очках на пол-лица.

– Мне нужен академический отпуск, – спокойно произношу я и где-то на задворках сознания понимаю, что для льготника это приговор, пропуски грозят отчислением.

Я вяло пытаюсь объяснить тяжесть сложившейся ситуации, но на все – сухие ответы и отсылка к уставу. Если я превышу лимит по пропускам, меня отчислят. Льготное место нельзя оставить за собой.

Я и так тут на птичьих правах.

Я пишу заявление и выхожу из приемной.

Дверь тихо закрывается за спиной и воспринимается лезвием, отрезавшим остатки моих изломанных крыльев. Я ощущаю, как эти воображаемые ворота с треском закрываются, ставя жирную точку на моем возможном будущем.

Где-то там в глубине души живет тупая надежда, что все еще образуется и я вернусь к назначенному сроку в университет мечты, но реалистка во мне уже скорбит, понимая, что на этом все.

Я быстро собираю свой небольшой скарб и покидаю уни-

верситетский городок. Я иду не оборачиваясь. Ступаю навстречу новым сложностям.

Как слепой и глупый котенок в самой глубине души я продолжаю верить в чудо. В удачу, да во все, что угодно! Где-то во мне в предсмертных муках еще трепыхается надежда.

Новая я, лишенная эмоций, осознает, что на моем обучении можно ставить крест, закрывая дверь и подписывая документы на отпуск, я подписала свой смертный приговор.

За все нужно платить.

Мой отсчет по оплатам запустился.

Глава 11

Я добираюсь до нашей провинциальной глухомани. Сижу в вагоне поезда и по обыкновению тупо пялюсь в окно. Неосознанно верчу мобильник в руках и открываю программы, тыкаю пальцем, пока не ловлю себя на том, что ищу информацию о Тайгере в интернете.

Странно, что несмотря на всю боль, которую он причинил, я не могу его вычеркнуть. Не могу забыть… Он во мне, я отравлена им и его яд струится по моим венам, разъедает кислотой все внутренности.

Информации о Ривзе нигде нет. Хочу уже закрыть браузер, как натыкаюсь на статью в желтой газетенке.

“Наследник империи “Ривз Корпорэйшн” после трагедии принял решение передислоцировать бизнес в Европу. Он с невестой покинул Штаты. Мы выяснили, что после соблюдения траура Тайгер узаконит отношения. Грандиозная свадьба запланирована на следующий год”.

Выключаю телефон, смотрю вдаль. Повторяю, как мантру: “Не думать”. Не хочу чувствовать. Ничего не хочу. Просто уснуть и проснуться в другой, альтернативной реальности, где нет и никогда не было Черного Ястреба.

Смотрю на сменяющийся за окном пейзаж на протяжении часов. Я в какой-то душевной прострации. Мозг вырублен. Может, в этом ледяном спокойствии и мое спасение…

Замечаю, чем ближе приближаюсь к родным пенатам, тем страшнее и ужаснее здания и улицы. Трущобы встречают меня безрадостным серым туманом и дождем, который заползает под ворот плаща, неприятно холодя кожу.

Я медленно ступаю на треснувший перрон, поворачиваюсь, чтобы спустить чемодан, но не успеваю. Мою ладонь накрывает сильная мужская рука с татуировками, набитыми на фалангах пальцев. Я замечаю эту вязь в скудном освещении уходящего солнца.

В трущобах такие тату просто так не делают. Их заслуживают. Хоть я не особо сильна в расшифровке подобных кодов, понимаю, что эта рука принадлежит не самому последнему человеку в местной иерархии.

Мой чемодан с легкостью оказывается в чужой сильной руке:

– Привет, Адик, – раздается позади глубокий голос, оборачиваюсь, вперив удивленный взор в крупного мужчину с вихрастыми волосами, что небрежно торчат во все стороны…

Опасность. Незнакомец стоит непозволительно близко. Я реагирую на его вторжение в свое личное пространство слишком остро, рвано выдыхаю, пытаясь отшатнуться, но мне некуда отступать.

Сероватые глаза рассматривают меня с особым пристрастием, скользят вдоль лица, медленно лаская, и останавливаются на приоткрытых губах. Меня изучают, считывают эмо-

ции, проскальзывающие на моем лице. Ноздри мужчины на грани видимости дергаются, словно ко мне принюхивается животное, или просто его бесит страх, который вспыхивает в моем взгляде.

В трущобах не в фаворе слабость. Слабых давят.

Почуяв мою панику, он делает шаг назад, уступает. Сглатываю, напоровшись взглядом на страшный шрам, пересекающий губы.

Некрасивый, но очень харизматичный мужчина. Энергетика опасная. Сероватые глаза рассматривают меня с интересом. Чисто мужской взгляд и кажется, что он видит насквозь. Позволяет мне чувствовать, что я ему явно пришлась по вкусу.

Улыбается. Может, намеренно пугает, потому что от кривого порезанного оскала Джокера хочется заорать.

Смотрю в графитовые глаза и вдруг тело простреливает импульс. Присматриваюсь к незнакомцу и все-таки узнаю…

– Фил?! – в растерянности шепчу и получаю еще одну порцию страха, вызванного его широкой улыбкой-оскалом.

Мотаю головой в неверии. Мой друг родом из далекого детства вырос и превратился в того, кто идеально вписывается в реалии жизни трущоб. На мгновение останавливаю взгляд на четко очерченных губах с некрасивым рваным шрамом. Когда-то давно, в нашу последнюю встречу, этого шрама не было.

– О, таки признала… – ухмыляется Гринвуд, а я с тру-

дом сдерживаю желание отшатнутся. Он пугает. Шрам сильно кривит мужские губы.

– Эйрин просила тебя встретить, пойдем.

Мы с моим грозным провожатым идем в сторону улицы. Стремительно темнеет и дождь начинает лить как из ведра. Не замечаю, как промокаю до нитки, до ледяных пальцев и волос, что змеями облепляют лицо.

Темнота вокруг слегка разбавляется светом редких уличных фонарей, но мне особо не нужно разглядывать дорогу. Я знаю наизусть каждый ухаб и каждую кочку здесь.

Мужчина идет рядом и молчит. Просто ступает за мной незримой тенью, и я благодарна, что он не начинает ничего незначащих бесед и расспросов. Нет пустого заполнения эфира. Мне сейчас не до этого.

Мое сердце бьется в груди рвано и больно. Я не могу пока осознать всю серьезность ситуации.

Молча доходим до паркинга и Фил открывает передо мной дверцу черного трака, помогает забраться на высокую ступеньку. Закидывает чемодан в кузов и, сев в машину, заводит мотор, который отзывается глухим рычанием.

Едем не особо долго. Вскоре Гринвуд тормозит у здания больницы. Смотрю на это навороченное сине-белое здание, так не вписывающееся в привычную картину трущоб, и сердце пропускает удар.

Неприятные чувства накатывают, опутывают щупальцами страха, волнения и грусти. Я дрожу, не спешу выходить из

машины. Боюсь того, что увижу. Страх сковывает по рукам и ногам, становится сложно дышать.

Крупная рука ловит дрожащий подбородок и поворачивает мое лицо, заставляя встретить строгий взгляд сероватых глаз. Знакомый незнакомец выглядят зловеще в полумраке салона.

– Все та же золотая девочка… – говорит словно самому себе.

Вспоминаю свое прозвище из далекого лета нашей дружбы. Фил встречает мой растерянный взгляд. Просто смотрит секунду-другую и в этом молчании я чувствую недосказанность. Ощущаю, как его палец слегка ласкает мою щеку и отстраняюсь. Не люблю прикосновений, не терплю, когда нарушают личное пространство.

Беру себя в руки, открываю дверь и выпрыгиваю из салона.

Дождь уже прекратился. В воздухе пахнет сыростью и затхлостью.

Знакомый мерзкий аромат трущоб. Я иду вперед, к главному входу в здание.

Меня встречает практически пустое белоснежное фойе со стойкой персонала в отдалении. Подхожу к полноватой медсестре с уставшим безразличным взглядом.

– Здравствуйте. Ивет Соммерсье госпитализирована в эту больницу.

Женщина в голубом сестринском халате безразлично про-

веряет списки по компьютеру, бросая на меня уставший ничего незначащий взгляд.

– Корпус интенсивной терапии. Палата триста пять. Тут пометка, что вам необходимо срочно подойти к лечащему врачу. Его кабинет на том же этаже. Доктор Навин. У пациента проблемы со страховкой. Вы ведь родственница, так?

– Дочь, – коротко поясняю.

В ответ получаю сухой кивок.

– Распишитесь.

Глава 12

Девушка опять утыкается в экран компьютера, теряя интерес ко мне.

Профессиональное ограждение от чужих проблем. Сколько таких нищих и несчастных побывало в стенах этого здания, насквозь пропитавшегося запахами лекарств и антисептика.

Отхожу от стойки и иду к лифтам, створки открываются, прохожу в белоснежное нутро кабины и удивляюсь, когда вслед за мной заходит Фил и нажимает на нужный этаж.

Я думала, что он не потащится со мной. Читая в моем взгляде явное удивление, Гринвуд поясняет:

– Адик, я не оставлю тебя, Эйрин меня просила не спускать с тебя глаз, так что, детка, я доведу тебя до дверей и сдам с рук на руки, так сказать, – сухой ответ и легкая пугающая улыбка.

Молча отворачиваюсь. Двери открываются, и я первая вылетаю на этаж.

Мне наплевать сейчас на все. Ноги несут вперед, пока я не выхватываю дверь с цифрой, которую ищу.

Подхожу к двери и замираю. Сердце пылает в огне, рвется в клочья, когда вижу через маленькое стеклянное окошко кусочек жестокого мира, который погружает меня в новую агонию, стоит только рассмотреть маму, лежащую на койке

с подключенной аппаратурой жизнеобеспечения.

Закрываю ладонью рот, чтобы не заорать в голос. Ноги подкашиваются, и я прислоняюсь к двери. Не могу моргнуть, продолжая рассматривать хрупкое тело с растрепавшимися по подушке длинными белоснежными волосами, с кислородной маской на лице в окружении трубок и специальной аппаратуры.

Рядом на стуле прикорнула чернокожая полная женщина с опухшим от слез лицом. Отшатываюсь. Тру ладонями лицо, пытаясь вернуть себе самообладание, но я проигрываю своим чувствам, сердце сжимается в груди в предчувствии неизбежного.

Пока я еще не открыла дверь, эта реальность не обрушивается на меня, не уничтожает своей озверелой мощью. Выдыхаю. Берусь за ручку, распахиваю дверь и получаю сокрушительный удар под дых.

Я бросаюсь к койке, падаю на колени и захлебываюсь слезами. Я не готова видеть то, что вижу, я не готова чувствовать всю ту боль, что разрывает внутренности!

Еще вчера я думала, что испила чашу боли в достаточной степени. Сейчас я четко понимаю, что живо еще мое сердце и открыто для океана бескрайнего страдания.

Я захлебываюсь, я смотрю в родные голубые глаза, которые полны понимания, осознания и скорби. Читаю в бездонных материнских глазах всю бескрайнюю любовь этой сильной и несгибаемой женщины, которая прикована к постели

и дышит через маску.

Я хватаю руку с натруженными пальцами и улыбаюсь сквозь слезы, которые застилают все вокруг. Я не позволю своему страху поглотить меня. Я не собираюсь сдаваться. Не сейчас, когда нужна той, которая положила всю свою жизнь на алтарь моего благополучия.

– Я здесь, мамочка, родная моя, все будет хорошо! – шепчут губы банальные фразы, которые сами срываются. Кого я больше успокаиваю этими простыми обещаниями, ее или себя? Я не знаю… – Ма… Мы выкарабкаемся! Я клянусь тебе! Все будет хорошо! Я тебя вытащу!

Целую одеревенелые пальцы, прислоняюсь лбом и пытаюсь собраться. Дышу, заставляю себя выдыхать через рот, выполняю дыхательные упражнения, которым меня так хорошо обучил мистер Уильямс.

Успокаиваю дыхание, заставляю сердце замедлить свой бег. Поднимаюсь и встречаю тревожный взгляд Эйрин, разворачиваюсь и выхожу из палаты. Мне нужен врач. Мне нужно понять, что от меня требуется.

Закрываю за собой дверь. Иду по коридору, ищу. Останавливаюсь, как вкопанная, перед нужным кабинетом, стучусь и вхожу.

При виде смуглого, молодого, необычного мужчины теряюсь.

– Здравствуйте. Мне нужен доктор Навин, я дочь Ивет Соммерсье.

– Проходите, садитесь, – отвечает мне врач с акцентом. Судя по всему, передо мной эмигрант из Индии. Молодой для занимаемой им должности, с аккуратной бородкой и в традиционном головном уборе своей касты.

Я так обескуражена эпатажным видом этого врача, что теряюсь от его добродушной улыбки. Он встречает меня не как нищенку, у которой нет страховки, а с теплотой, словно давнюю знакомую.

В моем нынешнем состоянии я воспринимаю происходящие со стороны. Словно это я и не я…

Смотрю на стену за спиной врача, увешенную множеством грамот и наград в хирургии. С такими регалиями его, наверное, можно считать одним из лучших специалистов в нашем захудалом округе.

– Садитесь, мисс Соммесье, разговор будет сложным, – кивок в сторону стула, и я на деревянных ногах подхожу и выполняю приказ.

– Пациентка, я так понимаю, ваша мать? – взгляд на меня, и я киваю. Врач смотрит в бумаги, лежащие на столе. Бегло читает диагноз:

– Центральный или спастический паралич. Болезнь развивается вследствие нарушений корково-спинномозгового пути.

Взгляд на меня. Не понимаю ни слова. Доктор Навин моргает. Пытается донести до меня смысл сказанного.

– Ситуация сложная, запущенная. Нужна операция. Од-

нако должен вас предупредить. Даже при положительном исходе, соблюдении всех необходимых процедур и учитывая прочие факторы, шансы на положительный результат минимальны. Если нам удастся спасти пациентку, она окажется полностью прикованной к инвалидному креслу. Сожалею.

Из глаз брызгают слезы. Забываю, что должна дышать. Все темнеет. По ощущениям – меня прибивает к земле тяжеленным булыжником, ломает до основания.

С профессиональной холодностью врач расписал мне всю ситуацию.

– Мисс Соммерсье, – все так же спокойно он протягивает мне стопку бумаг, – прошу, подпишите документ, подтверждая, что ознакомлены со всеми обстоятельствами кейса.

Я пробегаюсь по документу, подготовленному в двух экземплярах, и в конце вижу цифру, которая ввергает меня в шок.

– Эта сумма, – проговариваю я пересохшими губами, – сюда входят все затраты на операцию, лечение и последующую реабилитацию, так?

– Совершенно верно, – отвечает врач со свойственным этой профессии равнодушием.

– Благодарю вас, – отвечаю, расписавшись в обоих экземплярах. Один из которых мужчина забирает и кладет в ящик стола.

– Советую не терять времени и решать вопрос с оплатой немедленно.

– Деньги будут, – отвечаю и покидаю кабинет.

Глава 13

В глазах все рябит. Дыхание перехватывает. Мне сложно справляться с эмоциями. Быстро иду по больничным коридорам, направляюсь к лифтам. В какой-то момент перехожу на бег. Мне кажется, что так я смогу убежать от проблемы. Я лечу, не замечая ничего вокруг, вся дрожу и захлебываюсь в своих чувствах.

Взгляд расплывается от слез. Глупая попытка скрыться от реальности, которая излишне жестока. Потеря за потерей. Удар за ударом. Сколько я могу вытерпеть?!

В какой-то момент меня ловят чужие руки и, приподняв мое худосочное тело словно пушинку, обнимают.

– Чшшш, тихо девочка… – горячий шепот в ухо, – ты кросс, небось, на отлично сдавала в своем звездном универе? Вечно за тобой бегать приходится.

Откидываю голову и рассеянно смотрю в сероватые глаза, прихожу в себя, натыкаясь на хмурый, озабоченный взгляд и чувствую неровное дыхание и вздымающуюся каменную мужскую грудь, к которой меня прижало.

– Успокойся! – сухой приказ, на который я реагирую лишь обессиленно закрыв глаза и рвано выдохнув.

Ощущаю, как грубая мужская рука проходится по мокрому лбу, отводит прилипшие к лицу волосы.

Не реагирую. С трудом понимаю происходящее. Я не хо-

чу чужих прикосновений. Пытаюсь оттолкнуть Гринвуда, но мои беспомощные трепыхания не вызывают никакой реакции.

Фил лишь вскидывает в удивлении бровь, наблюдая за моими неудачными попытками отстраниться. Рассматривает меня с каким-то особым вниманием. Явно просек что-то. Не реагирую. Прикрываю глаза. Усталость накатывает тяжестью в конечностях. Хочется уснуть и все.

Но перед глазами проносится воспоминание о моей сильной и боевой матери, беспомощно лежащей на кровати. Эти кадры отпечатались на внутренней стороне век, став клеймом, выжигающим меня насквозь.

Тело трясет и в какой-то момент осознаю, что не могу сделать вдох. Воздух застревает в легких. Судорожно пытаюсь дышать, но не могу даже выдохнуть. Тело ломит во внутренних судорогах. Я не могу издать ни звука, хотя внутри поднимается вой раненой волчицы. Где-то глубоко внутри подыхает старая Адель, изливая в крике всю ту неподъемную боль, которую чувствует, и которая разрывает ее в клочья.

Взгляд теряет фокусировку и наплывает вязкая чернота, затягивающая на глубину. Уплываю туда, желая спрятаться от невыносимой боли, которая все пульсирует и увеличивается, становясь неподъемным грузом для моей психики.

– Твою мать… – с рычанием и грубое ругательство.

Гринвуд меня встряхивает с такой силой, что зубы клацают. Сильные пальцы впиваются в скулы в жесткой хватке.

“Как же больно” – проносится в мозгу, но веки ощущаются свинцовой тяжестью. Продолжаю уплывать в спасительную черноту.

– Глаза открыла! Быстро! Дыши! – рвано приказывает.

Меня встряхивают еще раз и вдруг чувствую, как мужская рука опускается на грудь, нагло лапая и сжимая, нащупывает сосок и щипает.

Током прошибает. Заторможенность исчезает. Распахиваю глаза и встречаюсь с напряженным, тяжелым взглядом.

Гринвуд с бешенством смотрит на меня. Страшный. Действительно жуткий он. На лбу вена вздулась и пульсирует. А чужие пальцы все продолжают играть с соском, даже через плотную ткань одежды чувствую его жар.

Не могу отстраниться, пока сам не отпустит. Кладу слабые пальцы на его татуированную руку, пытаясь отцепить от себя, но Фил не реагирует.

Мы стоим в полупустом коридоре у самых лифтов, и я уже готовлюсь кричать и звать на помощь, но вдруг он приходит в себя, взгляд перестает быть безумным. Гринвуд ставит меня на пол. Отстраняется, убирает свою клешню, и мое тело простреливает непонятным импульсом. Обнимаю себя руками, закрываюсь, делаю шаг назад.

– Пришлось применять экстренные меры, – отвечает на мой немой вопрос. – Шокотерапия в действии, Адик, – криво ухмыляется.

Останавливаю взгляд на губах, кажется, они перестали

вызывать у меня панический ужас. Действительно шокотерапия.

Гринвуд стоит, широко расставив ноги, такое впечатление, что дичь загоняет, заполняет собою пространство, чтобы не убежала.

Наглый до жути. Самоуверенный. В глазах проскальзывают эмоции, ловлю лишь отголоски и уже становится страшно. Я чем-то зацепила этого мужчину. Он смотрит с какой-то жаждой и голодом. От него веет первобытностью и силой. В трущобах выживают, и чем старше ты становишься, тем больше тебе приходится сталкиваться с понятиями и законами стаи.

Гринвуд явно в теме. Такие, как он, не могут оставаться в тени. Резвый. Борзый. Жестокий. Рассматриваю его во все глаза, заново узнавая. Замечаю еще одну татуировку на шее с левой стороны. Похоже на черную метку. Круг. Ужас понимания опутывает сознание.

Этот человек убивал. Особый знак принадлежности. Отшатываюсь.

Молниеносно вскидывает руку. Пресекает мой маневр, фиксирует локоть в своей крупной ладони.

– Адик. Хорош. Бесить, – четко, с расстановкой.

Тяжелый взгляд. Гринвуд видел, куда именно я смотрела. Явно сигнализирует, что не одобряет моего страха. Подобные метки в этом мире – знак уважения, а я его оскорбила разглядыванием и проскользнувшей неприязнью.

Молчит. Изучает. Верхняя губа приподнялась в хищном оскале, демонстрируя крупные белые зубы. Кажется, что охотится. Прикидывает, как именно собирается меня трахать и не скрывает этого.

В трущобах свои правила общения. Прикрываю глаза, теряюсь. Фил резко тянет меня на себя.

– Дуреха… – обдает лицо горячим дыханием. – Успокойся ты уже.

Открываю глаза и встречаюсь с почти черным взглядом из-за расширенных зрачков.

– Меня даже от твоего взгляда вставляет, Адик…

Напрягаюсь, готовая защищаться, но Фил продолжает:

– Я не трахаю баб насильно, – тяжелый взгляд. Фил приподнимает бровь, словно спрашивая, въехала ли я в суть его фразы. – Заруби это на своем тоненьком носике, и хорош дрожать.

Вспышка.

Характерный щелчок камеры, поворачиваю голову на звук и вижу долговязого крупного пацана с мобильником в руках, направленным в мою сторону.

– Гринвуд! Ты что, меня сфоткал?! – смеюсь, пытаясь выглядеть грозно.

Серые глаза смеются в ответ.

– Все путем, звездная девочка. Не удержался…

Возвращаюсь из своего воспоминания. Упираю взгляд в знакомого незнакомца.

– Мне нужно домой, – рвано выталкиваю слова из сухого горла.

Короткая пауза и Гринвуд отстраняется. Ударяет по кнопке, вызывает лифт.

– Поехали, – скупой ответ и, кажется, он забывает о моем существовании, остановив взгляд на створках лифта.

Глава 14

Пока сижу на пассажирском сиденье трака, наблюдаю за непроглядными сумерками за окном. Мысли летят со скоростью света. И все упирается лишь в одну навязчивую идею…

Меня мучают сомнения.

По любому сделку, которую я планирую, мне одной не провернуть. Нужна помощь. Вздыхаю и поворачиваю лицо к Филу. Рассматриваю своего водителя, прикидываю, смогу ли просить его о помощи…

Этот мужчина прожил целую жизнь в аду трущоб. Он должен знать нужных людей, которые за свой процент возьмутся мне помочь. Тут главное, чтобы не обманули и не ликвидировали, а это возможно лишь в том случае, если тебя знают и уважают.

Рассматриваю парня из прошлого. Орлиный профиль. Острый взгляд серых глаз. Есть в нем что-то хищное… Некрасивое лицо с отпечатком тяжелой жизни.

– Адик, ты так на меня смотришь, что мне кажется, я слышу, как в твоей красивой блондинистой головке работают шестеренки, – иронизирует Фил, бросая на меня цепкий взгляд. Вроде и пошутил, но в интонациях различаю предупреждение.

В трущобах не принято разглядывать людей. Не особо приветствуются игры в гляделки. Прямой взгляд – всегда вы-

зов, или же призыв…

Прокол с моей стороны. Он может не так понять и посчитать меня голодной на мужское внимание. Черт.

Быстро отворачиваюсь. Однако успеваю заметить отголоски знакомого чувства на дне его глаз. Мужской интерес. Фил и не собирается от меня скрывать, что мысленно уже поимел меня во всех позах. Это пугает не на шутку. Я, как затравленный зверек, шарахаюсь в сторону. Подобная реакция не остается незамеченной, выгляжу глупо, наверное, но мне плевать.

Гринвуд усмехается. Разворачивается ко мне корпусом, пока стоим на светофоре, и изучает мой профиль. Наглый. Отворачиваюсь сильнее. Боюсь подобной заинтересованности.

Ничего хорошего мне не светит. Мужикам нельзя верить. К ним нельзя относиться серьезно. Себе дороже.

Слышу, как Гринвуд усмехается. Я его забавляю чем-то.

Мы подъезжаем к моему дому. Фил выходит из машины, берет чемодан и молча идет по направлению к подъезду. Не собирается ждать приглашения. Он вообще, судя по всему, не особо разговорчив.

Иду рядом, сохраняя дистанцию в метр. Мне так спокойнее. Есть люди, от которых лучше держаться подальше. Энергетика у них бешенная, опасная. Вот и от Гринвуда меня током сшибает, предупреждая об угрозе.

Поднимаемся по обшарпанным грязным лестницам со

специфическим неприятным запахом сырости и нечистоплотности жильцов.

Доходим до старой двери с облупившейся краской. Привычным движением тянусь к сумке, нащупываю и вытаскиваю связку ключей со старым брелоком – мультяшкой. Чувствую, что Фил внимательно наблюдает за моими действиями.

Пока вставляю ключ в замочную скважину, на миг кажется, что все сон, кошмар, в котором я пребываю. Чудится, что я застряла в воронке, которая все затягивает, погружает в болото реального мира. Захожу в квартирку, на автомате нащупываю и щелкаю выключателем, осветив коридор электрическим светом.

Здесь прошло все детство и ничего не изменилось. Быстро устремляюсь в квартиру, скинув мокрую обувь. Забываю о Гринвуде, который заполнил своей огромной фигурой все пространство узенького коридора. Захожу в свою комнату, закрываю за собой дверь. Хиленькая защита от сильного мужика, что подпирает стенку плечом. Но так спокойнее.

Прохожу к шкафу с вещами, открываю скрипучие дверцы. В мозгу всплывает мысль, что мы так их и не протерли маслом, сейчас меньше бы раздражал звук ржавых петель.

Выдвигаю третий ящик слева, где лежит мое сокровище. Отодвигаю вещи и просовываю руку в глубину. Выхватываю старого друга – мягкого пушистого монстра – помесь тигренка с носорогом.

В глазах щиплет и жжет, стоит приглядеться к странной морде плюшевой животинки.

– Возьми тигренка, Адель, не оставляй свои подарки на скамейках в парке…

Слышу бархатный баритон, и кажется, что Тай рядом, нависает и поддерживает. Не дает рухнуть под гнетом невзгод.

Оборачиваюсь, рвано выдохнув. Так и сходят с ума…

Я одна в комнате, хотя секундой ранее казалось, что Ривз стоит за спиной. Показалось, что я его дыхание слышу.

Трясу головой. Отгоняю мысли. Сжимаю зверушку в руках. Кажется, что клубок ядовитых змей пригрелся в пальцах. Еще одна моя боль и воспоминание, которое убрала с глаз долой, потому что не смогла выбросить.

Сжимаю игрушку с силой, а ощущение, будто руку в чан с кипящим маслом засунула, и зараза распространяется от кончиков пальцев к запястьям, струится по локтям и предплечьям, ударяет ровно по центру грудной клетки, обжигая внутренности.

Проклятые воспоминания! Все бы отдала, чтобы забыть.

Беру игрушку и выхожу из спальни. Застываю, встретившись со сканирующим взглядом Фила.

Наглый тип. Хотя, это понятно. В трущобах выживают только борзые. Мужчина все так же стоит, облокотившись плечом о дверной косяк, что отделяет коридор от маленькой гостиной. Свет из коридора бьет со спины, и фигура Гринвуда выглядит устрашающе. Резкие черты скрыты полутьмой.

Незнакомец расслаблен, спокоен. Мне знаком подобный взгляд. Так смотрят хищники, уверенные в своей силе. Этот мужик чувствует себя хозяином в чужом доме и заставляет смущаться меня.

– Адик, сделай мне кофе, – спокойная просьба и он, развернувшись, идет на мою кухню, отодвигает табуретку, которая неприятно трещит, приняв на себя нехилый вес этого огромного мужика.

Маленькое пространство нашей кухоньки сразу становится неуютным. Первый шок начинает проходить.

Внезапно ясно ощущаю, что оказалась наедине с крупным и, по сути, не очень знакомым мужчиной, который живет по жестким законам трущоб.

Паника накатывает волнами и заставляет отступить к стене.

– Кофе, – спокойно повторяет Гринвуд, слегка приподняв бровь. Его голос немного сорванный или же прокуренный. Интересный тембр, мой музыкальный слух сразу улавливает определенные нотки, придающие хрипловатый сексуальный окрас каждой его фразе.

Когда прохожу в непосредственной близости от мужчины, неосознанно задерживаю дыхание и молча достаю чашки.

Поворачиваюсь спиной к зверю и чувствую его взгляд затылком. Пока мозг работает в каком-то непонятном темпе, пальцы привычно пробегаются по полкам. Ничего не ищу. В нашей кухне все неизменно лежит по своим местам. Мать у

меня педантичная аккуратистка. Все банки стоят с выверенным расстоянием.

Занимаю руки приготовлением пойла, которое лишь отдаленно напоминает по вкусу настоящий ароматный кофе. Отгоняю ненужные воспоминания и ставлю выцветшую кружку с кофе перед знакомым незнакомцем с некрасивым шрамом поперек губ. Ощущение такое, что его порезали ножом и косорукий врач наложил швы абы как, просто, чтобы от него отстали.

В наших реалиях так вполне могло быть…

Глава 15

Стою и наблюдаю за рукой в татуировках, что так привлекает мое внимание. Забитые фаланги пальцев оплетают чашку и подносят горячий напиток к изуродованным губам.

Тяжелая жизнь, отпечаток которой остался на лице моего друга родом из детства. И опять смотрю на шрам… Что оставило подобный след? Последствие драки? Пытки? Наказание? Трущобы, как и люди, здесь обитающие, беспощадны…

Суровое лицо с тяжелыми чертами очень колоритно. Однозначно Фил привлекает внимание. Так бывает. Иногда видишь красивые лица, вглядываешься и начинаешь замечать изъяны. То, что казалось прекрасным, неожиданно воспринимается уродством.

Здесь с точностью до наоборот. Чем дольше рассматриваю, тем больше замечаю привлекательность и необычность черт.

Соболиные брови вразлет нависают грозным изломом над сероватыми миндалевидными глазами с черными точками вкраплений на радужке.

Орлиный нос и сильная челюсть, высокий лоб и острые скулы. Гринвуд привлекателен своей необычностью и нестандартностью. Он интересен. В нем есть харизма и мужественность. Магнетизм.

“Я не трахаю баб насильно…” – вспоминаю его сегодняшнее заявление.

Теперь понимаю. Ему это не нужно. Сильные самцы всегда в центре женского внимания.

Спохватываюсь, что занимаюсь неприличным разглядыванием, опускаю взгляд и сажусь напротив Фила. Сцепив руки в замок, смотрю в сторону окна.

Пространство давит, ситуация давит, и я не понимаю, могу ли довериться этому человеку, но других знакомых у меня нет…

Всегда в ближнем кругу были только мама и Эйрин. Я и в трущобах изгой. Отличная, а значит, чужая. Выскочка. Меня не любят именно из-за удачи. Как только я попала в иную реальность школы для избранных, я перестала быть “своей”. Так и осталась не у дел.

До последних событий все это мельтешение меня мало задевало, но сейчас… Сопоставляю определенные факты и пытаюсь понять, что именно я могу предпринять в сложившейся ситуации.

То, что я подумываю провернуть в трущобах – рискованно. Еще сложнее получить подобную сумму на руки и остаться в живых. Где гарантии, что меня не прикопают где-нибудь, отняв все…

Вывод банален. В одиночку я не проверну то, что планирую.

Гринвуд молча пьет кофе. Он сейчас похож на вырублен-

ного из сети робота. Ноль эмоций, отсутствие реакций. Кажется, что его вообще здесь нет. Только оболочка, действующая на автомате.

Моя Эри попросила о помощи именно Фила, если доверилась ему в столь сложный для нас час, значит, и я могу попробовать… Надеюсь. Мне уже нечего терять.

Разве что жизнь.

В трущобах не принято водить дружбу. Тут не особо помогают, каждый сам за себя априори. А этот мужчина, который уже раз сто мог просто повернуться и уйти, почему-то не оставляет меня ни на минуту в одиночестве.

Вот и сейчас бросаю на него взгляд исподтишка. Гринвуд следит за всем, что делаю, контролирует ситуацию…

Сероватые глаза рассматривают меня не таясь. Мужчина ощупывает, давая понять, что я интересна ему. Сталкиваюсь с пугающим взглядом, брошенным в меня поверх чашки, неприятные мурашки бегут вдоль позвоночника. Теряюсь. Готовлюсь к разговору…

Собираюсь с силами и вздрагиваю, услышав голос с легкой хрипотцой.

– Забавная ты, Адик. Вся как на ладони. Не ломаешься, не заигрываешь. И при этом… – замолкает, не договаривает и меняет тему: – Ну же, малышка, поговори со мной. Я же не просто так сижу на твоей кухоньке и пью эту балду.

Грустно улыбаюсь. Конечно, для опытных мужиков во мне нет тайн. Все на лбу написано. Хотя, и Фил не дурак, два

плюс два сложить может. Мне нужны деньги, и я должна их раздобыть… Ждет моих шагов. Выжидает.

Принимаю решение довериться. Выдыхаю и смотрю в суровое лицо Гринвуда.

– Фил… – устремляю взгляд на мощную мужскую фигуру, застывшую напротив. – У меня есть несколько очень дорогих украшений, которые нужно сбыть, и сумма может оказаться близкой к той, которая нужна на лечение мамы. Я… ты можешь помочь с этим? У тебя ведь есть выходы на людей, которые заплатят…

Гринвуд вдруг как-то подбирается и смотрит на меня не моргая. Не могу понять, что за эмоции проскальзывают на его лице. Почему-то кажется, что он меня сейчас ударит. Инстинкты кричат: “Беги!”.

Не понимаю, что именно его взбесило, но вижу, как сильные пальцы обхватывают кружку до побелевших костяшек. Замечаю это даже сквозь вязь татуировок и сглатываю. Чашка чудом выдерживает подобную хватку и не разлетается вдребезги, ошпарив Фила горячим напитком.

В чем прокол? Чем я его выбесила?

Встречаю лучащийся грозовыми тучами и молниями острый взгляд. И меня накрывает пониманием. Осознаю, о чем именно сейчас думает Гринвуд.

Откуда у девчонки из трущоб могут быть дорогие украшения?! Он окидывает меня цепким взглядом. Лицо меняется, становится жестким, напряженным.

Подмечает брендовую одежду. Видно, до этой секунды не придавал значения обертке, в которую меня запаковали.

В серых глазах исчезает озорной блеск, который там присутствовал до этой секунды. Я понимаю, что он там был только после его исчезновения. Фил меняется. До этого мгновения он просто забавлялся.

Передергиваю плечами от стыда и горящей в груди обиды. Гринвуд посчитал меня шлюхой, приравнял к элитным проституткам.

Больно и понятно…

Глава 16

Может, и не далек он от истины. Кем я была для Тайгера? Вспоминать не хочу.

Вот поэтому и хранила секрет. Я так и не сказала матери о некоторых подарках Ривза. Побоялась реакции. Интуитивно понимала, что неправильно принимать подобные украшения от чужого пацана, но тогда Ривз был всем. Часть сердца, которое без него превратилось в обрубок.

– Почему ты не носишь мои подарки, ммм? – горячий шепот, скольжение языка вдоль ушка, в которое вставлены обыкновенные неприметные гвоздики, и мурашки по всему телу, когда прикусывает мочку и играет с сережкой языком…

Все тело постреливает импульсом желания. Смыкаю ноги сильнее. Смущаюсь. Говорю правду, отчасти.

– Мне некуда надевать подобный гарнитур, Тай.

Мужской смех и поцелуй в шею. Слабею. Сильные руки вдавливают в стальное тело.

– Ты не оставляешь мне выбора, Птичка… – шепот и скольжение языка, – чтобы увидеть свой подарок на тебе, придется слетать в оперу…

Разворачивает меня, и я тону в лучистых сине-зеленых омутах.

– Думаю, тебе понравится Ла-Скала…

Моргаю.

Смотрю в озабоченное лицо Гринвуда. Все ложь.

Тайгер Ривз всего лишь подгонял очередную игрушку под необходимый уровень и только. Пусть так.

Сейчас эти украшения могут спасти жизнь близкого. Именитый ювелирный дом не производит дешевки. Мажор подобного уровня не скупился. Я была его вещью, которую привередливый хозяин обернул в привычную упаковку.

Опять воспоминание.

Я стою на мосту. Острые грани ювелирной коробки режут ладонь. Тело трясет в ознобе. По ощущениям у меня жар. Кости ломит. Рассматриваю быстрый речной поток внизу. Чувств нет. Хочу избавиться от всего, что напоминает о Ривзе. Если бы могла, выкинула бы все воспоминания.

Не могу! Ни забыть, ни уничтожить, ни выкинуть…

Рыдаю. Вглядываюсь в прозрачную глубину и сдаюсь. Скатываюсь по ограждению и сажусь, облокотившись о преграду.

Долго сижу, пока, наконец, не нахожу себя рассматривающей закат. Возвращаюсь домой в надвигающихся сумерках.

Пока мать на работе, вспарываю брюхо старой игрушке. Друг детства принимает в свое плюшевое нутро мою тайну, становится молчаливым напоминанием и убирается с глаз долой в шкаф.

Не хочу видеть. Не могу вспоминать.

Чашка с силой грохается о стол и Фил устремляет на меня

холодный взгляд. Его глаза меняют цвет, темнеют, приближаясь к оттенку мокрого асфальта.

– Что именно тебе нужно от меня? – прямой вопрос и такой же взгляд.

– Я хочу продать ювелирные украшения. Мне нужно, чтобы меня не обманули и не убили из-за этих побрякушек, – отвечаю так же прямо.

– Понял, – сухой ответ и хлесткий взгляд. – Как эти цацки к тебе попали? Если левые вещицы с темной историей или побрякушки, за которыми придут…

Я не позволяю ему закончит свою мысль. Прерываю. У меня нет ни желания, ни времени на это все, голова раскалывается!

– Это мои вещи, Фил. За ними никто не придет. Они со всеми необходимыми сертификатами… Это подарки.

Не успеваю придержать язык за зубами, позволяю обиде прорваться и осознаю, что именно я сейчас сказала…

Идиотка! Я подтвердила предположения Гринвуда относительно своей персоны. Откуда у девицы из трущоб бриллианты? Ответ сам напрашивается. Прикрываю глаза. Плевать. На все плевать.

На миг кажется, что атмосфера на кухне трещит от напряжения. Гринвуд хватается за стол, служащий единственной преградой между мной и взбешенным мужиком напротив. Кажется, что сейчас огромные лапы швырнут его прямо в меня. Вжимаю голову в плечи.

– О как, – глухо протягивает мужчина, окинув меня свирепым взглядом. – Тогда лады.

Резко выбрасывает руку вперед и хватает меня за плечо. Тащит через стол на себя. Вскрикиваю, съезжаю на его колени и напарываюсь на дикий взгляд.

– Расскажи-ка мне, Адик, как тебя занесло на эту тропку и чем именно ты отработала подарочки?

Каменею. Слезы брызгают из глаз. Пытаюсь вырваться. Отбиваюсь изо всех сил. У меня истерика. Плотину переживаний прорвало. Отстраненность и внутреннее оцепенение исчезли, накрывая проснувшимися чувствами.

Ору. Ругаюсь. Пытаюсь ударить, но Фил и не думает отпускать. Внимательно следит за моей реакцией, считывает. Ловит мое лицо рукой и провидит большим пальцем по щеке, размазывая влагу, сминает губы, болезненно вжимая палец.

– Значит, все-таки распечатанная… – с бешенством смотрит прямо в глаза. Гипнотизирует подобно удаву.

Молниеносно наклоняется ко мне, впивается в рот поцелуем-укусом, шрам на губах явственно ощущается, царапает, засовывает язык в рот, вгоняет в самую глубину и вылизывает небо. Агрессивно. Яростно. Давая понять, что не намерен церемониться.

Кусаю в ответ изо всех сил. Рот наполняется металлическим привкусом крови. Откидывает голову, смотрит с похотью.

– Убери от меня лапы! – ору, захлебываясь ненавистью. Меня трясет. Сильно.

В ответ кровавая улыбка-оскал. Глаза бешенные. Просовывает руку под кофту и находит грудь, тянет за волосы, заставляет откинуться на стол. В секунду оголенные вершинки обдает холодным воздухом и в теле простреливает, когда жесткие губы смыкаются на соске, то, что он вытворяет, заставляет мурашки бежать по всему телу, словно молоко пытается высосать, вылизать.

– Хватит! – кричу, задыхаясь в странных, приятных импульсах. – Не надо!

Реву.

Не понимаю своих чувств. Хочу, чтобы отпустил, но отзываюсь, испытываю томление между ног…

Глава 17

Внезапно все заканчивается. Гринвуд ослабляет хватку в волосах и возвращает в сидячее положение. Заботливо поправляет мою одежду. Псих!

Смотрю в серые глаза, сейчас почти черные. Гринвуд спокоен. Абсолютно. Больше не чувствую в нем угрозы. Совсем.

Хриплый и сексуальный голос:

– Тащи свои цацки, куколка. Тебя я к ворам не потащу, думаю, их внимание не нужно. Один пойду.

Неадекватный. Смотрю в серые наглые глаза и отвечаю зло:

– Не верю я тебе больше! Отпусти меня! Где гарантия, что не слиняешь с барышом?!

Улыбается еще шире, и струйка крови течет по уголку губ. Порочный. Грубый. Завораживающий.

– Резонный вопрос, Адик. Отвечу так. Где гарантия, что я прямо сейчас не продолжу играться и не разложу тебя на этом столе? Для начала хорошенько поимею, вгоняя по самые яйца, а затем пришибу, заставив отдать все… Как вариант.

Вздрагиваю от холода интонаций. Пытаюсь выбраться из хватки. Безуспешно.

Внезапно паника отступает, и я задумываюсь о словах. Подвисаю.

Кажется, шокотерапия – метод общения Гринвуда.

Чувствую, как воздух раскаляется от проскользнувшей угрозы, напряжение между мной и мужчиной напротив достигает своего апогея. От бешеного взгляда, прошедшего по мне с алчностью голодающего, хочется передернуть плечами и прикрыться.

Он держит меня крепко, не дает отстраниться и бедром я чувствую, насколько Фил готов к реализации своих угроз.

Серые глаза подобно острию хирургического скальпеля вспарывают меня, следят.

– Красивая ты сука, Адик, – приближает свое лицо и с хрипотцой выдыхает Гринвуд. – Когда-то хорошенько меня поломало тобой и, кажись, до сих пор штырит.

Мотаю головой. Не понимаю, о чем Гринвуд талдычит. Просто друг. Парень, с которым было легко и весело, понятно. В отличие от того же Ривза.

Правильно прочитав мою реакцию, мужчина, сидящий напротив, прищурился и криво улыбнулся. Опять мне почудился оскал Джокера. Кажется, Фил умеет контролировать мимику. Губы кривятся и выглядят неестественно пугающе. А под бедром ощущается нехилый каменный поршень в полной боеготовности.

Гринвуд транслирует дикую волну неприкрытой похоти. Замираю под холодным лезвием глаз, застывшем на моих сосках, натянувших материю кофты. Фил сглатывает. Хочу прикрыться руками, не дает. Мужские пальцы все сильнее

сжимают меня, трудно продохнуть.

Опять наклоняется ко мне, горячий язык слизывает его же кровь с моих губ. Отклоняется, оставляя миллиметры между нашими губами. Выжидает.

Не собираюсь сдаваться под гнетом этих глаз. Где-то глубоко внутри шестым чувством понимаю, что сейчас меня просто проверяют на вшивость.

Подобные Гринвуду мало говорят. Они действуют. Хотел бы причинить вред, я уже давно бы была распластана под ним в коридоре, или же в машине, ну и секундой ранее у него уже была возможность использовать меня.

Хоть и говорит едко, и облапал всю, но я не чувствую агрессии. Похоть – да. Желание – да. Но не угрозу. Поэтому продолжаю молча сидеть под прицелом пылающих глаз, сгорая в огне чужого желания.

Гринвуд моргает, сильные руки приподнимают и сажают меня на стол. Он держит меня на расстоянии, кривит губы, и резко встает, отворачивается к окну. Наблюдаю за крупной фигурой в черной кожаной косухе. Кладет руки в карманы джинсов, и кожанка натягивается на мощной спине, прорисовывая литые мышцы.

Фил поворачивает голову в мою сторону. Смотрит через плечо. Отмечаю красивый, зловещий орлиный профиль. Не могу пошевелиться. Все продолжаю сидеть на столе, страшась спровоцировать.

– Значит так, Адик, – улыбается краем губ, уже не так

страшно. – Я уйду через минуту. Тебе решать, что делать дальше с цацками. Либо доверяешь и отдаешь мне, либо сама идешь к старшим – дело твое.

Гринвуд разворачивается в сторону двери. Вскакиваю как ошпаренная, и преграждаю ему путь.

– Подожди! Отдам все, что есть. Только помоги…

Мне кажется, что я опять попала в паутину, запуталась и чем больше трепыхаюсь, тем сильнее нити обворачиваются вокруг горла, душат.

Оглядываюсь в поисках игрушки и подбираю ее с пола. Ставлю на столешницу. Открываю ящик в безуспешном поиске подходящего ножа. От резкого щелчка над ухом вздрагиваю, напоровшись взглядом на складной нож с крупным кривым лезвием, со специфическим звуком-щелчком, выскочившим из забитой татухами руки.

Гринвуд нависает сзади, прижимается, давая прочувствовать свое возбуждение. С ужасом наблюдаю за изогнутым острием. Кажется, что сейчас он направит смертоносное оружие в мою сторону и пройдется кровавым росчерком по лицу и телу.

Фил берет мои холодные пальцы и вкладывает в них оружие. Чувствую полированное дерево в руке, хранящее тепло его ладони.

Секунду рассматриваю плюшевого тигренка – старого друга, который так долго был слушателем всех моих тревог, обид, надежд и, в конце концов, превратившийся в средото-

чие лютой ненависти и агрессии. Друг, хранящий мои тайны. Прощай.

Я протыкаю старую потрепанную игрушку, режу, вытаскиваю спрятанное сокровище, а затем на меня находит страшная злость, перетекающая в истерику. В каком-то угаре начинаю полосовать ножом плюшевое нутро зверя еще и еще раз.

Плачу, содрогаюсь. Хочется убить… Очистить память! Разрушить все до основания, уничтожить, распотрошить так же, как и Ривз меня.

Сильная хватка на предплечьях. Чужая рука отводит оружие в сторону и заставляет ослабить пальцы и выронить нож на столешницу.

Гринвуд разворачивает мое дрожащее тело к себе. Встречаю его пылающий взгляд, налитый кровью, капилляры лопнули, лицо красное, а шрам, наоборот, остается белесым пятном.

Фил рассматривает мгновение и грубо прижимает к себе.

Наклоняется к уху и обдает горячим дыханием:

– Имя… Адик. Я хочу услышать имя… Кто этот мудак и что именно он с тобой сделал? – леденящие душу интонации, безэмоциональные абсолютно.

Глава 18

Всхлипываю и обнимаю Гринвуда в ответ. Мне хочется человеческого тепла и поддержки. Кажется, что в эту секунду рядом со мной не жесткий незнакомец, а друг из далекого детства.

Горячие ладони ласкают спину, успокаивают, играют с волосами. Утыкаюсь в широкую грудь и дышу. Ловлю себя на том, что от Гринвуда приятно пахнет. Интересный запах – смесь чего-то горчащего и мужского. От него веет улицей, беспределом и разборками.

Жестокостью, которая впитывается обитателями трущоб вместе с материнским молоком. Каждый, кто рожден здесь, должен драться и выживать, в основном повторяя судьбу своих родителей.

О Филе я мало что знаю. Он скрытный, циничный и вольный. Всегда был таким. Только вот кажется, что именно сейчас рядом со мной непривычный Гринвуд.

Забитые руки обхватывают мое лицо и приподнимают за подбородок. Не хочу встречаться с ним взглядом. Рассматриваю вязь татуировки под его горлом. Щупальца поднимаются с плеч к основанию мощной шеи.

Это не просто отметки. Это история его жизни, забитая на коже, впечатанная нить судьбы, которая ведет по безжалостным тропам.

Все-таки встречаюсь с сероватыми проницательными глазами. Рассматривает меня молча. Уже спокойный.

Пальцы скользят по лицу, очерчивают, а сам дрожит.

– Ведьма ты, Адик, – шепчут губы.

Я же смотрю на шрам – похожий на молнию рваный зигзаг. Изучаю без страха.

– Наглеешь, солнышко, – твердые губы раздвигаются в порочной ухмылке, демонстрируя красивый оскал.

Грустно улыбаюсь в ответ.

Почему он изначально показался мне страшным?! Черты резкие, необычные, привлекающие внимание. Чем дольше вглядываюсь, тем больше вижу симметрию и пропорциональность.

Приближает лицо к моему и носом в мой нос утыкается. Оказываюсь обвита его руками и зафиксирована ногами. Подобно удаву оплел меня всю.

– Я жду ответ, – доверительный шепот, от которого мурашки по всему телу.

Медлю секунду и отвечаю единственное, чем готова поделиться:

– Ничего такого, о чем я не была предупреждена изначально…

Гринвуд молчит, ждет. И понимает, что больше я ему ничего не скажу.

Застываю под его стремительно темнеющим взглядом и лезвием интонаций, которые проскальзывают в хриплом го-

лосе:

– Ты ничего не знаешь о боли, Адик. Ломают не только психику, но и тело. Рвут плоть и засыпают соль в открытые раны, выжигают и метят огнем. Вытравливают все, что в тебе еще осталось от человека, и если ты выживаешь, то это уже не ты.

Смотрю во все глаза и не понимаю его.

Ухмыляется.

А я вдруг вижу перед собой веселого уличного пацана в застиранной одежде. Тот Фил из воспоминаний был другим.

– Прошлое останется в прошлом, Адик, – кивает он, – люди меняются. Умирают и рождаются вновь.

Отталкиваю Гринвуда, не хочу его откровений. Ничего не хочу! Медлит секунду и поддается, отпускает меня.

Беру со столешницы именную брендовую коробку, что вытащила из нутра плюшевого тигра еще до своих издевательств. Там все ценности, которые мне когда-либо дарил Черный Ястреб…

Мужчина бесцеремонно забирает вещицу из моих рук и открывает, заглядывает внутрь, присвистнув, хлопает крышкой.

Отхожу к окну, обхватываю себя руками, наблюдая унылый пейзаж трущоб. Хорошо, что не выкинула, пригодились.

Я ожидаю, что Фил отметит дороговизну этих украшений, но за моей спиной подозрительно тихо. Оборачиваюсь и застываю под прицелом серых глаз, на дне которых клубятся

странные чувства.

Жду осуждения или же сарказма. Простые такие. Что на уме, то и на языке. Фил может пошутить, что я продала свою целку за приличную цену, но…

Он молчит. Просто смотрит, рассматривает и мне вдруг кажется, что я стою перед ним абсолютно обнаженная, уязвимая и открытая.

Гринвуд сейчас способен проникнуть в мои мысли и ранить, унизить одним лишь едким словом.

Жду секунду-другую. Но мужчина, так не вписывающийся в узкое пространство кухни, не произносит ни слова. Подходит ко мне, нависает, берет в плен, ставит руки на подоконник, заставляет почувствовать себя в западне, рассматривает, словно приценивается.

Готовлюсь услышать оскорбление и упрек, но он опять удивляет:

– Звони врачу, Адик. Договаривайся. Деньги будут к утру.

Через мгновения слышу, как входная дверь с резким щелчком закрывается.

Я опять поворачиваюсь к окну, наблюдаю, как крупный, спортивный мужчина появляется на улице. Уверенный шаг. Темная фигура в скудном свете выглядит опасно. Подходит к траку, но прежде, чем сесть за руль, Гринвуд поворачивается и смотрит прямо в окно нашей кухни. Хоть и темно на улице, но я отчетливо чувствую его взгляд.

Промедление в секунды, затем разворачивается, забира-

ется в машину и уезжает.

А я все смотрю и смотрю на дорогу, пока черный монстр не заворачивает за угол, исчезая.

Глава 19

Тайгер Ривз

Прихожу в себя. Глаза режет от пота и крови. В подвале стоит тяжелый запах нечистот. Даже эту вонь можно назвать пыткой.

Все тело – одна большая рана. Вскидываю голову и, превозмогая адскую боль, смотрю в потолок, рассматриваю цепь, которой прикован. В руках сильная пульсация. Мышцы горят огнем, хоть вой. Учитывая, сколько времени я вздернут на цепи, скоро конечности атрофируются.

Выворачиваю ладони, сжимаю зубы и молча хватаюсь за цепь выше грубых оков, немного подтягиваюсь, причиняя очередную порцию огненного страдания. Все тело простреливает болевыми импульсами. Терплю. Нужно немного движения, чтобы оставаться в рабочем состоянии. Разрабатываю мышцы, заставляю себя двигаться. Нужно выиграть время.

Терпение и выдержка – все, что у меня осталось. Чем дольше продержусь и не подохну, тем больше шансов на выживание.

Я жду возможности. Одной ошибки моих тюремщиков, которой может и не быть…

Меня вырубило после очередной электрошоковой терапии. На этот раз немного переборщили с током. Идиоты. Да-

ли возможность отдохнуть.

Слышу тяжелые шаги в коридоре. Кто-то останавливается по ту сторону двери, звенит ключами. Сглатываю. Вожу последний раз плечами и, опустив голову, замираю.

– Стока рубим, а этот говнюк молчит. Не гнется, не скулит, сучонок. Волком смотрит. Взгляд у него дикий.

– Да, ладно тебе, Балд, взгляд… кукушечка поехала от пыток, может. Хрен его знает, может, болевой порог низкий, или напрочь отсутствует…

– Я тебе дело говорю, Порш. Надо решать его. Че-то с ним не то. Не может человек ни разу не закричать, когда его на части рвут. Я ему тупым ножом по бокам прошелся и ничего! Рот в крови, живого места нет, а этот ублюдок улыбается, будто сейчас кончает от удовольствия.

– Ломать нужно. Если подписи не выбьем, нас с тобой на части порубят, будем висеть на прутьях вместо щенка этого бешенного.

Ключ вставляют в замок и проворачивают пару раз. Слышу характерный щелчок. Но дверь не открывается.

Мои тюремщики продолжают трындеть, а я слушаю. Не подозревают, что я в адеквате. Еще один промах с их стороны.

Тупые уроды. Жду, когда накосячат основательно и в моих руках окажется хлипкая возможность вогнать один из ножей, что красуются на пыточном столе, в самую глотку, или в глаз.

– Хорош нагнетать, Балд. В верхах прокололись, а с нас спрос?! Не простой там мажор. Пацан крепкий. Подготовленный.

– Сломать можно любого. Слабое место нарыть и рубить со всего маху.

– Так все его слабые места на кладбище! Чтобы прогнуть сученка, нужны рычаги давления. Придержали бы кого из семьи… Таких только на слабо берут. Там мамку, или сеструху на глазах поиметь во все щели и по кругу пустить, сразу сдулся бы. А так… Нам теперь – мучайся с уродом.

Последняя приглушенная фраза заставляет вздрогнуть. Ярость поднимается и опутывает сознание. Я зубами рвать буду. Умирать мои враги будут долго. Действительно схожу с ума, меняюсь, и новый я способен получать наслаждение лишь от агонии и боли.

Вырвусь!

Дверь открывается. Свет причиняет режущую боль воспаленным зрачкам, проникая из-под опухших век. Кажется, у меня воспаление.

Две крупные фигуры воспринимаются черным пятном.

– Ну чего, сученок, подъем! Просыпайся! Пора веселиться! – визжит лысый урод с аналогичным прозвищем Балд, и проходит в камеру. – Ты обдумал, наконец, предложение? Подпиши все документы, хорош ломаться, мы и так тебя всего переломали, – визгливый смех режет слух и перед глазами возникают сцены кровавой расправы.

Если не сдохну в ближайшее время, все, кто замешан в этом, будут подыхать оооочень медленно.

– Давай Ривз, прекрати сопротивляться. Ты не жилец, понял уже, подпиши и избавь себя от мучений.

Молчу. Не собираюсь ничего подписывать. Росчерк на документах равносилен смерти. Поборюсь пока. На тот свет всегда успею.

Слышу смех второго амбала. Порш. Средний рост, черноволос. Имеет тату в виде игральных костей на правой ладони. Я ловлю каждую крупицу информации, запоминаю то, что вижу и слышу. Эти придурки называют друг друга по кличкам. Уже выцепил несколько. Меня считают трупом и особо не шифруются.

Где-то так оно и есть, конечно, прежний я мертв, а вот тот, кто в подвале вздернут на цепи, мало похож на человека…

Глава 20

Смотрю, как мужики подходят к железному столу со всевозможной пыточной атрибутикой.

– По-моему, мы оттуда все перепробовали, – хриплю и говорю едва слышно, но мои тюремщики слышат, – у вас скоро фантазия закончится. Придется проходить по новой уже отработанный материал.

– Шутишь, хорохоришься, тварь, – отвечает Балд, приглядывается к железным прутьям, взвешивает их на руке, откладывает. Понимаю, что он проворачивает. Давит на психику. Провоцирует панику.

Улыбаюсь. Выбешиваю его своим оскалом. Просто не могу отказать себе в удовольствии.

Он замечает мою мимику, звереет, отбрасывает прутья, берется за тесак и подходит в плотную.

– А знаешь, что, Ривз? Хорошо, что ты упираешься!

Мужик замахивается, а я гашу сознание, вызываю воспоминания:

Нежный голос, наполненный предвкушением:

– Тай, когда ты приедешь? Я скучаю, очень…

– Канареечка моя, не могу пока. Завал.

– Понятно…

Слышу тихое в трубке и меня накрывает.

– Адель, я вырвусь!

– Я буду ждать… – мягкость в ответ.

Резкая боль. В глазах темнеет и меня поливают из ведра затхлой водой. На вкус – помои. Отплевываюсь.

– Подписывай! Достал уже!

Боль. Дикие вспышки огненных пульсаций по всему телу. Терплю. Сжимаю челюсть и понимаю, что язык распух.

Направляю сознание в прошлое.

Красивая девочка обнимает меня за шею, ластится, кладет голову на плечо.

– Спой для меня, птичка. Успокой меня, – говорю ей на ушко, замечая мурашки, пробегающие вдоль матовой кожи.

Слышу чистейшие переливы голоса как наяву. Колыбельная. Ощущаю нежные пальчики, что гладят меня по затылку, заставляя агонию отступить.

Удар. Вылетаю в реальность подвала. С трудом разлепляю глаза.

Еще один раунд миновал.

Сколько еще я выдержу прежде, чем остановится сердце?!

– Сука! – орет Порш. Бита отброшена в сторону и звук металла рикошетит от стен, становится оглушительным.

– Ривз – одна подпись и все закончится!

Мотаю головой. Я не сдаюсь. Я выжидаю. Должен быть просвет. Сдохну, но не прогнусь.

Слышу стрекотание тока под ухом. Сжимаю плотнее зубы, чтобы не откусить себе язык.

Считаю про себя. Раз. Два. Три. Вдох. Выдох. Разряд.

Уплываю в воспоминание.

Горячие пальцы скользят по холодной коже, заставляя красавицу вздрагивать. Очерчиваю ореолы сосков, действую осторожно, вычисляю ее предел.

Рассматриваю, как ненормальный. Аккуратная девочка, ладная… везде. Чувствую себя музыкантом, знакомящимся с инструментом, который запоет в моих руках всеми оттенками наслаждения.

Сбитые костяшки пальцев царапают белоснежную кожу. Реагирует. Вздрагивает. Кусает пухлые губы в нетерпении. Провоцирует на более агрессивную ласку. Сжимаю сосок, немного прокручивая. Вскрикивает. Прикрывает глаза.

Провожу языком вдоль ключиц, играю с кулоном в виде скрипичного ключа. Прикусываю кожу и дую. Стон.

– Покричи для меня, сладкая… – улыбаюсь ей в губы, ловлю дыхание и ласкаю пальцами заветное местечко между стройных ног.

Откидывает голову, мотает из стороны в сторону. Мне нравится ее мучить. Держать в напряжении. Соскальзываю чуть ниже и погружаю палец немного внутрь узкой горячей дырочки. Сам зверею от ощущений.

– Моя девочка, готовая для меня и такая маленькая внутри…

Женский стон. Глухой и дико сексуальный, бьющий по моим нервным окончаниям.

Продвигаю палец чуть глубже. Дергается всем телом, под-

жимает пальчики на ногах. Улыбаюсь. Я псих. Все тело дрожит от желания, мышцы ломит… Люблю доходить до предела своего контроля, узнавать границы.

Двигаю рукой резче, сильнее, ускоряю темп, наблюдаю. Больше не может контролировать себя. Вздрагивает всем телом, стонет, увлажняет мои пальцы. Такая бархатная внутри, шелковая.

– Кончай. Сейчас, – приказом. С силой сжимаю горошинку и тяну, опять немного покручивая. Выгибается. Кричит, срывая голос. Слышу музыку ее стонов.

Вся мокрая, уставшая, замученная мной и… дико сексуальная.

Провожу пальцами по вздрагивающей плоти. Не намерен отпускать заветную добычу. Мы только начали игру.

Смотрю в ее глаза, голубые озера чистоты, подернутые страстью, и пьянею, все внутри пульсирует и болит.

Сердце пропускает рваный удар.

Разряд. Кажется, что мышцы рвутся от напряжения…

Срываю поцелуй с мягких податливых губ.

Открываю глаза и возвращаюсь в ад.

Глава 21

Фил Гринвуд

– Ты, Тандер (Thunder – гром. англ.) попутал чего, предъявы такие делать?! – сплевывает Шай под ноги и устремляет на меня заинтересованный взгляд. – Откуда у тебя барыш и где канал? Колись уже! Можно на этом нехило срубить, а ты мне, ушлепок, пол ночи гнешь свое “не в теме”. Не дури, вскрывай явки с паролями. Заработаем.

Морщусь. Вечно этот гнилой ублюдок поперек старших лезет, шестерка драная.

– Шай, я тебе отвечаю. Нет канала. Разовая акция. Мне бабло нужно ровно столько, сколько сказал. Здесь даже на глаз в пару раз больше, чем я прошу за цацки.

Дверь открывается, пропуская в кабинет невысокого мужика. Хозяин. Рассматриваю угрозу: лысоват, глаза острые, крупный мясистый нос и лицо в рытвинах. От него смрад идет, здесь не то, что руки по локти в крови, можно в личном бассейне кровавом купаться.

Хозяин окидывает нашу картину маслом волчьим взглядом и широкой, размашистой поступью направляется к своему законному месту. Смотрю на одного из главных представителей авторитетной братии, который садится в рабочее кресло бизнесмена и устремляет взгляд на лежащие перед ним побрякушки. Поднимает мертвые глаза на меня, встре-

чаю тяжелый взгляд местной власти.

Мужик за пятьдесят, жестокий и опасный, разглядывает меня. Одно его слово и мои мозги окажутся на лакированном паркете, а кости пойдут на корм хозяйским псам. Они тут всеядные.

– Че за базар? – грозный взгляд в сторону Шая.

– Хозяин, тут молодняк страх потерял, права качает, – отвечает урод, оказывая медвежью услугу и показывая, что я в конторах с властью.

Здесь этого не любят. Надо выкручиваться. Прибить бы крысу.

Встречаю темный взгляд старшего. Смотрит прицельно. То на меня, то на брюлики. Вот сейчас, Фил Гринвуд, ты попал.

Либо порешат, либо… захотят узнать более точные сведения. Выбивать будут. Такие дела на коленке не делаются. Сумма здесь приличная, а значит, может показаться, что я за спинами старших крысятничаю и дела проворачиваю. Наглею. Решаю с них еще и наличку срубить.

Стою и молча встречаю тяжелый взгляд главаря. Давит. Ждет, что, как обычная сука, на колени упаду и пощады просить буду. Бывало в этом кабинете и не такое.

Все думаю, с чего я, баран, в пекло влез из-за бабы-то?!

Сдать телку и делов-то. Где взяла, там еще дадут. Но я стою стеной и не собираюсь подставлять золотоволосую девочку, которая ну никак не вписывается в понятия трущоб-

ного мира.

Закрываю глаза на секунду и ее снова чувствую. Вкус от нее во рту остался. И яйца от мысли одной сводит. Не бывает таких в моем мире. Светом от нее прет, запахом другой жизни, чистым воздухом гор и прозрачностью родников.

По телику видел, что где-то там, за территорией адовых трущоб, есть красоты… Если вырвусь я отсюда, срублю бабла и поднимусь, обязательно ломанусь в эти горы. Там еще чудовище обитает говорят, но ни одна тварь не сравнится со зверьем, живущим здесь.

– Откуда у тебя кликуха? – прищуривается Хозяин.

Хочет понять, как и чем заслужил. Не помнит, сколько нас тут солдат.

– Так из-за шрама, на молнию похоже, хорошо, что Гарри Поттером не прозвали, – лыблюсь, демонстрируя правильный оскал, джокеровский.

Хозяин секунду смотрит на меня внимательно, затем откидывает голову и хохочет в голос.

– Яйца есть. Гром, значит. Че за тема с брюликами? – кивает в сторону стола. – Где достал?

– Так нет там больше, разово подфартило, там старуха окочурилась, вот и приплыло в руки. Все. Я бы сам не прочь подняться. Только харе на этом.

– Ну, допустим, я купился на твою байку, – улыбается Хозяин. Че-то подозрительно настроение у него сегодня хорошее, кажется, я сейчас серьезно попадаю.

– Чем отплатишь? – тяжелый взгляд с прищуром. – Есть работа для тебя.

Молчу. Смотрю на прожженного мужика с басовитым голосом. Хозяину не отказывают. “Это предложение, от которого вы не сможете отказаться”, – классный фильмец вспомнился. Ага. Почти так. Со всеми законами стаи. Долго не думаю. За промедление тоже пуля.

– Пойду, – короткий ответ и прямой взгляд.

Хозяин кивает. Дает понять, что принято.

– Шай, – взгляд в сторону шестерки, – отпускай с миром, – и возврат взгляда в мою сторону: – Считай, что подписал контракт кровью. На выход только вперед ногами.

– Понял.

Не отвожу взгляда. Сам в пекло влез. Мое решение и отвечать мне.

Значит, судьба такая…

Глава 22

Кручу руль и бросаю взгляд на спортивную сумку, набитую деньгами. Валяется пол-ляма на соседнем сиденье. Вот она, карточка в жизнь. Выворачивай руль и гони из штата. Езжай на мифическое озеро и дыши чистым воздухом, как и мечталось недавно.

– Факин шит!.. – выплевываю ругательства сквозь сжатые зубы.

Задаю себе вопрос, с какого я во все это влез?! Нахрена я голову в петлю всунул?! Из-за чего, спрашиваю себя, и знаю ответ наперед.

Ради бабы. Из-за суки, которой я на хер не нужен со всеми своими потрохами. Никогда меня не замечала. Всегда в своих мыслях. Всегда с другим!

Себя на заклание, потому что… Бью кулаком по рулю.

Всегда ее защищал. Был пацаном, шпаной, незримой, неприметной тенью…

Даже тогда понимал, что не по зубам мне звездная девочка из другой реальности, которая даже не подозревала, что тенью всегда ступал за ней след в след и наблюдал. Издали.

Останавливаюсь на светофоре и жду. Пальцы отбивают ритм. Явись Адик к старшим и все. С девками у нас базар короткий: нагнули, отымели и свободна.

Только вот золотую девочку не отпустили бы…

Паркуюсь у ее дома. Беру барыш и поднимаюсь на этаж. Звоню не переставая. Долго жду. Терпение не мой конек. В мыслях уже проскальзывает двинуть ногой по хлипкой преграде и выбить одним махом…

Наконец, слышу легкие шаги и тело напрягается, как при разборках. Адик явно останавливается у двери, замирает. Понятно. Боится.

– Открой, – приказываю.

Через секунду на меня смотрят голубые глаза, подернутые сонной пеленой. Окидываю ее всю цепким, недовольным взглядом: одежда помята, лицо распухло от слез, волосы растрепаны. Она даже не переодевалась со вчерашнего дня, а мне кажется, что красивее бабы не видал…

И жалости к ней нет. Совсем. Разглядываю. Красивая сучка. Цепляет. Вроде просто смотрит, а меня уже всего колотит.

Делаю шаг навстречу и отодвигаю со своего пути.

– Адик, сваргань мне кофе.

Не хочу ничего, но нужно занять девочку чем-то, чтобы ее пришибленность прошла, да и нравится наблюдать, как двигается. Легкая. Прозрачная совсем.

Кивает и идет на кухню. Ее шатает, как пьяную. Жадно рассматриваю точеное тело, спрятанное под мешковатой одеждой. А сам как наяву вижу молочную грудь с ореолами нежных сосков, фарфоровую кожу, обтянувшую ребра, по которым могу пробежаться пальцами.

Худовата, конечно, но это не от бабских диет и прочей хрени. Переживает.

Наблюдаю за плавными движениями. Как крутится в поиске чего-то, открывает ящики тонкими руками.

Че опять делать с колом в штанах?! Заставляю себя сидеть и смотреть, не двигаться, застыть.

Так и подмывает подойти и зажать. Все равно отымею по полной, я от своего не отступаюсь, но… костьми лягу, заставлю, чтобы сама пришла ко мне. Сама просила.

Откидываюсь к стене и вытягиваю ноги, пытаюсь ослабить давление в джинсах. Ставит передо мной чашку и бросает затравленный взгляд, отходит к окну. А мне от ее глаз плохо. Слабая, но внутри стержень.

Красивая сучка и… Чужая.

От этой мысли всего выворачивает, захлебываюсь ревностью и ненавистью. Найти бы шваль, что сердце ее растоптал, пользовал, как шлюху и выкинул за ненадобностью. Мы бы с ним пообщались плодотворно.

Смотрю на татухи и чувствую, как кожа под ними зачесалась. Так и хочется кулаки в ход пустить.

Бросаю на Адик косой взгляд. Рассматриваю тонкий профиль, прозрачная прям. Не жрет, видно, совсем.

С детства нравилась. Другой была. Отличалась.

Пела вроде… Не слышал ни разу.

Говорят, талантливая очень. Поэтому и попала в мир богатеев. И какая-то сытая тварь позабавилась вдоволь.

Завожусь. Пытаюсь остудить пыл. И не могу. С ней меня швыряет из крайности в крайность, то подраться хочется, то потрахаться.

Фак!

Чувствует мой взгляд, поворачивается, и я замираю, смотрю на золотую девочку в свете восходящего солнца. Сцепляю зубы, чтобы усидеть на жестком стуле. Рука не поднимается опять ее трогать. Хотя дико хочется увидеть выражение ее сучьих глаз, когда будет кончать подо мной.

Делаю глоток и отвлекаю себя. Заливаю в себя кофе и понимаю, что голоден, не жрал со вчерашнего утра.

Просыпается зверский аппетит, только голоден я совсем в ином плане. Замечаю, как сцепляет руки в замок. Тонкие пальчики с обрезанными розовыми ноготками. И в этом секс.

Ловлю ее зашуганный взгляд и подмигиваю. Не реагирует. Выдержанная. Не спрашивает ничего. Ждет, пока сам все скажу. Не зря же я ни свет ни заря приперся. Значит, инфа есть.

Отчаянная девочка.

Не могу устоять. Хочется с ней немного поиграть, приучить к себе.

– Адик, подойди.

Оборачивается и смотрит спокойно. А мне хочется похоть видеть в этом взгляде, чувства. Бесит! Ее равнодушие действует на меня подобно чирканью спички у канистры с бен-

зином.

Делает несколько аккуратных шагов, приближается и замирает напротив. Не дышит, кажется.

Тормоза слетают. Я ваще не отличаюсь выдержкой. Хватаю ее за руку и замираю от контраста наших сплетенных пальцев. Красиво. Ее рука теряется на фоне моих татух. Ненавижу эти знаки, подтверждающие мою принадлежность к уличной братии.

Не я выбрал эту судьбу.

Она сама за мной пришла и отфигачила, выбив всю подростковую дурь и тупые надежды. С тех пор я принял вызов и играю по ту сторону. Выживаю и знаю, что поднимусь.

Жизнь сука та еще, раздает крапленые карты, и мне изначально досталась лажовая комбинация.

Тащу Адик на себя. Фиксирую длинные ноги коленями. Смотрит, и единственное, что могу прочесть в ее взгляде – отчаяние. Ни желания, ни интереса. Ничего.

Опрокидываю ее на себя. Вскрикивает. Леденеет вся.

Все ругательства в мозгу пролетают. Провожу кончиками пальцев по скуле. Зарываюсь в золотой, почти белоснежный шелк волос. Принюхиваюсь.

Смотрит. Глаз своих голубых не отводит. Страх в них читаю и зверею.

Порешу тварь. Так девчонку переломать уметь надо.

Провожу рукой по спине и позвонки чувствую…

Хрупкая.

Улыбаюсь. Чертов шрам изначально вызывал ужас на ее лице, присматриваюсь. Кажись, привыкла, не вздрагивает.

Ловлю затравленный взгляд:

– Все хорошо, звездная девочка. Собирайся. Едем в больницу.

Рваный выдох в ответ и слезы градом сыплются из глаз.

Переживала. Ждала. Надеялась.

И молчала…

Восхищаюсь ее выдержкой.

Отпускаю. Позволяю уйти и устремляю свой взгляд на остывающий кофе.

Хреново все складывается, однако.

Глава 23

Димитрий Кац

Тяжелые биты роковой музыки на всю катушку льются из динамиков, пробирают до костей. В воздухе пахнет сексом, потом, развратом и удовольствием.

Вбиваюсь в податливое женское тело, распластанное подо мной, на всей скорости. Заставляю шлюху кричать не переставая. Тонкие пальцы с острыми длинными ногтями впиваются в разгоряченные мышцы спины, рычу, отбрасываю, не позволяю себя клеймить отпечатками страсти.

Меняю позу, выворачиваю девку под нужным углом, позволяющим мне получать еще большее удовольствие от проникновения. Скорость усиливает остроту ощущений, и я чувствую, как пот струится градом по спине.

Простыни скомкались и валяются на полу.

Выпускаю пар. Как всегда, без тормозов. Не заморачиваюсь. Преодолеваю хилое сопротивление и продолжаю таранить сочное тело, скручивающееся в судорогах экстаза.

Сука уже не кричит, слышу только хрипы и глухие стоны. Я не привык церемониться в постели и контролировать свои инстинкты. Всегда выбираю опытных шлюх, способных выдерживать мой темп и напор. Но и их надолго не хватает.

Люблю боль и наслаждение. Они неразлучны и усиливают друг друга.

Раскрепощенное женское тело в откровенных, провокационных позах… Что может быть кайфовее?!

Разве что хороший спарринг, или вышибленные мозги крыс на полу росчерком кровавых капель.

Рассматриваю упругие сиськи, весело подпрыгивающие в такт моим остервенелым ударам. Кусаю. До крови. Орет. Отбрыкивается. Но куда она из-под меня уползет-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.